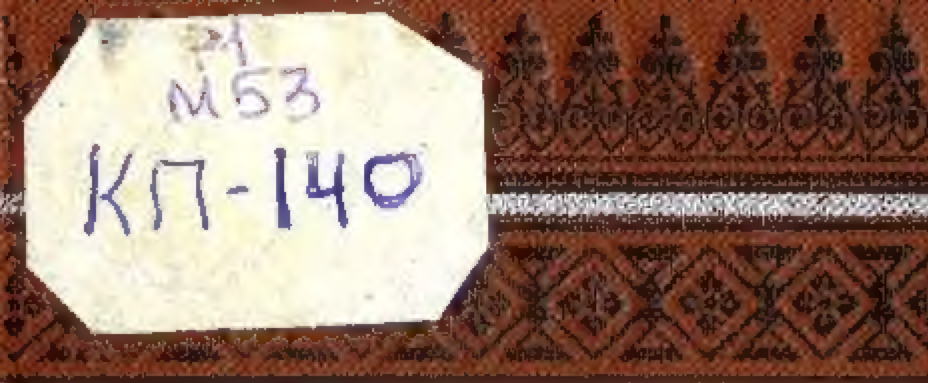

ПАРАША СИБИРЯЧКА

н05
PI
M53

№ — ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА — 7

ПАРАША СИБИРЯЧКА

РАЗСКАЗЪ

КСАВЬЕ ДЕ-МЕСТРА

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 сентября 1901 года.

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПАРАША СИБИРЯЧКА.

Въ началѣ царствованія Александра I много было толковъ о мужественномъ подвигѣ одной дѣвушки, которая одна, пѣшкомъ, пришла изъ дальней Сибири въ Петербургъ просить о помилованіи своего отца. Одна, безъ всякой поддержки, безъ совѣта и помощи, она нашла въ своемъ сердцѣ силу и мужество осуществить самое благородное, великодушное дѣло.

Звали эту дѣвушку Прасковьей Лупаловой. Отецъ ея, потомокъ старой дворянской семьи изъ Украйны, родился въ Венгріи, куда судьба случайно забросила его родителей; въ ранней молодости онъ служилъ въ полку черныхъ гусаръ, но скоро вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Россію. Тамъ онъ женился. Впослѣдствіи онъ поступилъ снова на военную службу, долгіе годы служилъ въ русской арміи и участвовалъ въ нѣсколькихъ турецкихъ кампаніяхъ. Онъ былъ при взятіи Измаила и Очакова и своимъ молодецкимъ поведеніемъ пріобрѣлъ уваженіе всего

полка. За что именно онъ былъ разжалованъ и сосланъ въ Сибирь, въ точности неизвѣстно; говорятъ, впрочемъ, за растрату казенныхъ денегъ. Какъ бы то ни было, въ то время, когда дочь его предприняла свое путешествіе, онъ уже шесть лѣтъ находился въ ссылкѣ, живя въ деревнѣ Жиляковкѣ, близъ Ишима, селеніи, недалеко отъ границъ Тобольской губерніи, и существовалъ съ семьей на самыя скудныя средства; ему выдавалось по десяти копеекъ въ день, какъ и всѣмъ ссыльнымъ, освобожденнымъ отъ каторжныхъ работъ.

Параша своимъ трудомъ увеличивала средства родителей; она помогала сосѣдямъ стирать или жать и участвовала во всѣхъ сельскихъ работахъ, доступныхъ ея силамъ, а въ уплату за свой трудъ приносила домой то зерна, то яицъ, то овощей; даже въ минуты отдыха, играя въ горѣлки, она не разставалась съ работой и на бѣгу вязала чулокъ. Съ дѣтства находясь въ Сибири и не имѣя понятія о лучшей участи, она охотно исполняла и тяжелую черную работу, которая зачастую была ей вовсе не подъ силу. Нѣжныя руки дѣвушки очевидно были созданы для иныхъ занятій. Ея мать, поглощенная заботами о своемъ скудномъ хозяйствѣ, терпѣливо переносила это жалкое положеніе, но отецъ, съ молодости привыкшій къ дѣятельной военной жизни, никакъ не могъ помириться со своей долей; часто онъ предавался такому мрачному отчаянію, какого не оправдываетъ даже самое великое горе.

Хотя онъ старался скрывать отъ Параши свои

душевныя мученія, но она не разъ замѣчала его слезы сквозь щелку перегородки, отдѣлявшей ея чуланчикъ отъ спальни родителей, и съ нѣкоторыхъ поръ она стала задумываться надъ ихъ горькой судьбой.

Однажды Лупаловъ обратился съ прошеніемъ къ сибирскому генералъ-губернатору, который всѣ его предыдущія ходатайства всегда оставлялъ безъ всякаго отвѣта. Одинъ офицеръ, бывшій проѣздомъ въ Ишимѣ по дѣламъ службы, вызвался передать письмо и обѣщался, съ своей стороны, замолвить словечко губернатору. Несчастный ссыльный ожилъ, въ немъ проснулась искра надежды; но и на этотъ разъ его не удостоили ни малѣйшимъ отвѣтомъ. Каждый путешественникъ, каждая почта изъ Тобольска (событіе весьма рѣдкое) прибавляли ко всѣмъ его страданіямъ еще пытку обманутой надежды.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ дѣвушка, вернувшись домой съ жатвы, застала мать въ горькихъ слезахъ, но болѣе всего поразила ее блѣдность и мрачные взгляды отца, который былъ погруженъ, повидимому, въ полное отчаяніе.

— Изъ всѣхъ моихъ печалей, вотъ эта самая жестокая!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ дочь, — вотъ дѣтище, которое Богъ послалъ мнѣ во гнѣвѣ своемъ, чтобы я вдвойнѣ терзался своими и ея страданіями. Каково мнѣ видѣть, какъ она чахнетъ, какъ изнуряется отъ непосильнаго труда! Для другихъ людей быть отцомъ—великое благополучіе, а для меня—такъ сущее насланіе Божіе!

Параша въ ужасѣ бросилась въ его объятія. Мать и дочь кое-какъ успокоили старика и плакали вмѣстѣ съ нимъ; но эта сцена произвела потрясающее впечатлѣніе на душу молодой дѣвушки. Впервые родители открыто говорили при ней о своемъ горькомъ положеніи; впервые она могла составить себѣ понятіе о великомъ несчастіи, постигшемъ ея семью.

Въ это-то время, на пятнадцатомъ году ея жизни, въ первый разъ осѣнила ее мысль отправиться въ С.-Петербургъ просить помилованія отцу. Она сама разсказывала, какъ однажды эта счастливая мысль блеснула въ умѣ ея словно молнія, въ ту минуту, когда она кончала молитву, и повергла ее въ несказанное волненіе. Она твердо вѣрила, что это было вдохновеніемъ свыше, и это упованіе часто поддерживало ее потомъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

До тѣхъ поръ мысль объ освобожденіи даже не приходила ей на умъ. Это новое для нея чувство наполнило ея сердце живой радостью: она снова принялась горячо молиться, но мысли ея были такъ смутны, что она сама не знала, чего именно хотѣла просить у Бога, и молила только, чтобы Онъ не лишалъ ея того счастливаго чувства, которое она испытывала и въ которомъ сама не могла дать себѣ отчета. Скоро, впрочемъ, замыселъ итти въ Петербургъ, броситься къ ногамъ государя и просить о помилованіи отца, мало-по-малу, сталъ развиваться въ ея умѣ и, наконецъ, поглотилъ ее всецѣло.

У опушки березовой рощи, неподалеку отъ

хижины, у нея было любимое мѣстечко, куда она часто удалялась молиться; теперь она еще чаще стала посѣщать этотъ уголокъ. Тамъ она молила Бога со всѣмъ жаромъ и усердіемъ своей юной души, чтобъ Онъ способствовалъ ея путешествію, далъ ей силы совершить его. Погруженная въ свою завѣтную мысль, она часто забывалась въ лѣсу, запуская свои обычныя занятія, и навлекала на себя упреки родителей. Долго она не рѣшалась открыть имъ свой замыселъ. Она робѣла всякій разъ, какъ подходила къ отцу съ намѣреніемъ признаться во всемъ, смутно предчувствуя, что это не поведетъ ни къ чему. Однако, когда планъ ея достаточно созрѣлъ, она назначила себѣ день, когда откроется родителямъ, и твердо рѣшила побороть свою робость.

Въ назначенный день Параша, рано поутру, отправилась въ рощу помолиться Богу, просить у Него смѣлости и краснорѣчія, чтобы убѣдить родителей; затѣмъ вернулась домой, съ рѣшимостью обратиться къ отцу или къ матери—смотря по тому, кто первый попадется ей навстрѣчу. Ей хотѣлось, чтобы случай послалъ ей мать, надѣясь, что она будетъ снисходительнѣе; но, подходя къ дому, она увидѣла отца; онъ сидѣлъ на лавкѣ у дверей и курилъ трубку. Она храбро подошла къ нему, изложила ему свой замыселъ и со всей горячностью, на какую была способна, умоляла его позволить ей отправиться въ Петербургъ. Когда она кончила, отецъ, все время слушавшій ее не прерывая и съ величайшей серьезностью, взялъ ее за руку и повелъ ее въ горницу, гдѣ мать стряпала обѣдъ.

— Ну, жена,—воскликнулъ онъ,—добрая вѣсть! мы нашли себѣ сильнаго покровителя! Вотъ наша дочка сейчасъ отправляется въ Петербургъ и сама переговоритъ съ царемъ.

Лупаловъ шутливо разсказалъ все, что говорила ему Параша.

— Лучше бы она сидѣла за работой,—возразила мать,—чѣмъ болтать всякій вздоръ.

Дѣвушка заранѣе приготовилась встрѣтить гнѣвъ и отпоръ своихъ родителей; но она была безсильна противъ ихъ шутокъ. Она залилась горькими слезами. Отецъ ея, который въ минуту веселости измѣнилъ своему характеру, скоро вернулся къ своей обычной суровости. Покуда онъ журилъ дочь за ея слезы, тронутая мать цѣловала ее и смѣялась.

— Покуда,—сказала она, подавая ей тряпку,—вытри столъ къ обѣду, а потомъ ужъ можешь отправляться въ Петербургъ, если тебѣ этого такъ хочется.

Эта сцена пуще всякихъ укоровъ способна была отклонить Парашу отъ ея замысла; однако, чувство обиды отъ сознанія, что съ ней обходятся какъ съ ребенкомъ, скоро исчезло и къ ней вернулось мужество. Начало было сдѣлано; нѣсколько разъ она возобновляла свою попытку, и, наконецъ, ея мольбы стали такъ часты и настойчивы, что отецъ, потерявъ терпѣніе, серьезно выбранилъ ее и строго запретилъ заикаться объ этомъ. Мать съ бо́льшей мягкостью старалась внушить ей, что она еще слишкомъ молода для такого труднаго предпріятія.

Съ тѣхъ поръ прошло три года, и Параша не смѣла промолвить ни слова о своемъ намѣреніи. Продолжительная болѣзнь матери поневолѣ заставила ее отложить свой замыселъ до болѣе удобнаго времени; однако, не проходило ни одного дня, чтобы она къ обычнымъ своимъ молитвамъ не присоединяла горячей просьбы добиться отъ отца позволенія и была убѣждена, что Богъ когда нибудь услышитъ ее.

За это время умъ ея развился; молодая дѣвушка умѣла пріобрѣсти больше значенія въ семейномъ совѣтѣ, поэтому она могла предложить и обсуждать свой планъ гораздо свободнѣе, родители ея уже не смотрѣли на него какъ на ребячество, но они все-таки еще всѣми силами противились ему, тѣмъ болѣе, что дочь стала имъ безусловно необходима. Ихъ возраженія были такого рода, что не могли не тронуть ея сердца. Они старались разубѣдить ее уже не насмѣшками или угрозами, а ласками и слезами.

— Мы уже старики,—говорили они,—у насъ нѣтъ ни имущества, ни друзей въ Россіи, неужто ты рѣшишься покинуть въ этой пустынѣ своихъ родителей, у которыхъ ты единственное утѣшеніе, и покинуть для того, чтобы предпринять одной опасное путешествіе; вѣдь оно можетъ погубить тебя и стоить намъ жизни, вмѣсто того, чтобы даровать намъ свободу!

На всѣ эти доводы Параша отвѣчала молчаливыми слезами; но воля ея не поколебалась. Напротивъ, съ каждымъ днемъ рѣшимость ея укрѣплялась все болѣе и болѣе.

Между тѣмъ представлялось затрудненіе болѣе существенное, нежели сопротивленіе отца: она могла пуститься въ путь не иначе, какъ съ паспортомъ; безъ документа ей невозможно было даже двинуться изъ деревни. Съ другой стороны, мало было вѣроятности, что тобольскій губернаторъ, никогда даже не отвѣчавшій на ихъ письма, согласится оказать имъ эту милость. Итакъ, Параша принуждена была отложить свое путешествіе до другого времени и всѣ ея помыслы обратились къ способамъ добыть паспортъ.

Въ ихъ селѣ проживалъ въ то время ссыльный, по имени Нейлеръ, родомъ изъ Россіи, сынъ нѣмца портного. Этотъ человѣкъ довольно долгое время служилъ лакеемъ у студента московскаго университета и благодаря этому обстоятельству, слылъ великимъ ученымъ и умникомъ по всему Ишиму. Это обстоятельство и болѣе полезное ремесло портного пріобрѣли ему большой почетъ среди мѣстныхъ жителей и ссыльныхъ; одни давали ему въ починку свое платье, другіе забавлялись его шутками. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Лупаловъ, котораго онъ часто посѣщалъ. Нейлеръ подшучивалъ надъ молодою дѣвушкой и прозвалъ ее святой Параскевой за ея набожность. Она, считая его болѣе знающимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, задумала обратиться къ нему для составленія просьбы губернатору, надѣясь, что тогда легко будетъ уговорить отца подписать бумагу.

Однажды она только что выполоскала бѣлье на рѣчкѣ и собиралась вернуться домой. Пре-

жде чѣмъ пуститься въ путь, она, по обыкновенію, перекрестилась нѣсколько разъ и съ трудомъ стала подымать мокрое бѣлье. Нейлеръ, случайно проходившій мимо, увидалъ это, взялъ корзину и донесъ ее до самой деревни. Дорогой Параша, думая только объ одномъ, какъ добыть паспортъ, стала говорить ему о прошеніи и о важной услугѣ, которой она ожидаетъ отъ него. Къ несчастью, философъ былъ неграмотенъ: онъ сознался, что съ тѣхъ поръ, какъ посвятилъ себя портняжному искусству, онъ въ конецъ забросилъ литературу, но зато указалъ ей въ селѣ человѣка, который можетъ помочь ей; Параша вернулась домой радостная и веселая; завтра же она рѣшила воспользоваться его совѣтомъ.

На другой же день она поспѣшила пойти къ указанному ей человѣку; черезъ него она узнала, что просьба можетъ быть подписана ею самою. Писарь взялся составить прошеніе по формѣ, и, когда оно было готово, Лупаловъ, послѣ нѣкотораго отпора, согласился-таки на его отправку и даже воспользовался этимъ случаемъ, чтобы написать новое письмо о себѣ самомъ.

Съ этой поры тревожное состояніе молодой дѣвушки исчезло, здоровье ея поправилось и родители съ радостью замѣтили, что къ ней вернулась ея обычная веселость. Эта счастливая перемѣна зависѣла отъ увѣренности, что она получитъ паспортъ, и отъ ея твердой надежды на Божіе милосердіе. Она часто бродила по дорогѣ, ведущей въ Тобольскъ, все надѣясь встрѣтить какого нибудь курьера. Когда она прохо-

дила мимо почтовой станціи, ей всегда хотѣлось заговорить съ почтмейстеромъ, старымъ инвалидомъ, который раздавалъ немногія письма, приходившія въ Ишимъ. Но она не рѣшалась навѣдываться — нѣтъ ли чего на ея имя, потому что онъ всегда грубо отвѣчалъ ей и насмѣхался надъ ея сумасбродными планами.

Прошло почти шесть мѣсяцевъ со времени отправки прошенія, какъ вдругъ ея семьѣ дали знать, что пришла почта и получены письма на имя нѣсколькихъ лицъ. Параша бросилась на станцію; отецъ съ матерью послѣдовали за нею. Когда Лупаловъ назвалъ себя, почтальонъ вручилъ ему конвертъ съ печатями, содержащій паспортъ для его дочери, и взялъ съ него расписку въ полученіи. Это была радостная минута для всей семьи. Они были такъ покинуты, такъ забыты всѣми въ теченіе столькихъ лѣтъ, что полученіе паспорта показалось имъ какой-то особенной милостью. А между тѣмъ въ пакетѣ не было ни слова въ отвѣтъ на личныя просьбы Лупалова. Что же касается его дочери, то вѣдь она была свободна и было бы величайшей несправедливостью удерживать ее въ Сибири противъ ея воли.

Такое упорное молчаніе властей на всѣ просьбы Лупалова было только подтвержденіемъ его опалы; сознаніе этого скоро разсѣяло пріятное впечатлѣніе, вызванное снисходительностью губернатора. Лупаловъ взялъ паспортъ и сгоряча объявилъ, что позволилъ вытребовать его лишь потому, что былъ увѣренъ въ отказѣ и чтобы избавиться отъ приставаній дочери.

Параша побрела домой съ родителями, не говоря ни слова, но полная надеждъ, и всю дорогу благодарила Бога за исполненіе одного изъ ея желаній. Отецъ спряталъ паспортъ въ сундукъ между платья, акуратно завернувъ его въ чистую тряпицу. Параша подмѣтила эту предосторожность, и она показалась ей хорошимъ знакомъ: отецъ могъ бы просто-на-просто разорвать паспортъ; она приписала сопротивленіе его особымъ путямъ Провидѣнія: значитъ, еще не пришло время, назначенное Имъ для ея путешествія. Вскорѣ она отправилась въ лѣсъ и часа два провела въ горячей молитвѣ; она уже не сомнѣвалась въ успѣхѣ своего предпріятія.

Во всемъ, что случалось съ ней, Параша неизмѣнно видѣла перстъ Божій.

— Я иногда подвергалась испытаніямъ,—говорила она,—но ни разу не была обманута въ своемъ довѣріи.

Одно происшествіе, случившееся нѣсколько дней спустя, еще болѣе укрѣпило ей мужество и, быть можетъ, помогло ей убѣдить родителей. Мать Параши, хотя и не была положительно суевѣрной, однако, часто, ради забавы, искала предсказаній будущаго въ мелкихъ событіяхъ обыденной жизни. Она не вѣрила въ тяжелые дни, однако, избѣгала предпринимать какое нибудь дѣло въ понедѣльникъ и не любила, когда опрокидывалась солонка. Зачастую, взявъ Библію, она раскрывала ее наугадъ и въ первой фразѣ, попавшейся ей на глаза, искала какого нибудь отношенія къ своему положенію, или чего нибудь похожаго на доброе предзнаменованіе.

Лупаловъ имѣлъ привычку ежедневно по вечерамъ читать своей семьѣ одну главу изъ Библіи; онъ толковалъ женщинамъ славянскія выраженія, которыхъ онѣ не понимали, и это занятіе доставляло большое наслажденіе его дочери. Разъ, въ исходѣ унылаго вечера, отшельники сидѣли втроемъ за столомъ, на которомъ лежала священная книга; чтеніе окончилось и наступило тяжелое молчаніе; вдругъ Параша, единственно изъ желанія завязать разговоръ, обратилась къ матери:

— Откройте, пожалуйста, Библію и прочтите на правой страницѣ одиннадцатую строку.

Мать съ готовностью взяла книгу и открыла ее булавкой; затѣмъ, сосчитавъ строки до одиннадцатой съ правой стороны, прочла вслухъ слѣдующія слова:

«И ангелъ Господень воззвалъ съ небеси къ Агари и сказалъ ей: Что ты дѣлаешь? Не бойся ничего...»

Слишкомъ легко было примѣнить это мѣсто священнаго писанія къ замышляемому Парашею путешествію. Она, внѣ себя отъ радости, схватила Библію и нѣсколько разъ поцѣловала страницы.

— Это, право, удивительно, сказала мать, взглянувъ на мужа.

Но тотъ, не желая поддерживать ихъ надежды, рѣзко возсталъ противъ этихъ смѣшныхъ гаданій.

— Съ чего это вы взяли, что можно такимъ образомъ искушать Бога, открывъ книгу булавкой, и что Онъ соблаговолитъ отвѣчать на

ваши глупыя выдумки. Непремѣнно,—прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери,—ангелъ будетъ сопутствовать тебѣ въ твоемъ сумасбродномъ странствованіи и будетъ поить и кормить тебя! Развѣ ты не понимаешь, какое безуміе предаваться подобнымъ надеждамъ?

Параша отвѣчала, что она сама не думаетъ, что ангелъ явится ей и поможетъ въ ея предпріятіи.

— Однако,—прибавила она,—я надѣюсь и твердо вѣрю, что мой ангелъ-хранитель не покинетъ меня, и мое путешествіе состоится непремѣнно, хотя бы я сама воспротивилась ему.

Эта настойчивость поколебала Лупалова; однако, прошелъ мѣсяцъ, и о путешествіи не было сказано ни слова. Параша стала молчалива и озабочена; вѣчно одна въ лѣсу или въ своей каморкѣ, она не оказывала никакой ласки своимъ родителямъ. Такъ какъ она часто грозила уйти безъ паспорта, то они стали серьезно побаиваться, чтобы она не исполнила своего намѣренія, и сильно тревожились, когда она дольше обыкновеннаго отлучалась изъ дому. Разъ даже они были увѣрены, что она ушла не простившись; Параша, возвращаясь изъ церкви съ крестьянскими дѣвушками, зашла въ ихъ избу и замѣшкалась тамъ нѣсколько часовъ. Когда она вернулась домой, мать обняла ее вся въ слезахъ.

— Какъ ты долго пропадала,—сказала она.— А мы ужъ думали, что ты навсегда покинула насъ!

— Скоро вамъ придется испытать это горе,—

отвѣчала дочь,—когда вы не хотите отдать мнѣ паспортъ; тогда раскаетесь, что лишили меня этой помощи и своего благословенія.

Она произнесла эти слова, не отвѣчая на ласки матери, и голосомъ столь грустнымъ, столь измѣнившимся, что добрая мать сильно огорчилась. Чтобы успокоить ее, она обѣщала больше не препятствовать ея отъѣзду; отнынѣ онъ будетъ зависѣть только отъ воли отца. Параша уже не добивалась этого позволенія, но ея глубокая печаль была краснорѣчивѣе самыхъ горячихъ просьбъ; самъ Лупаловъ не зналъ на что рѣшиться.

Разъ поутру жена попросила его накопать немного картофелю въ маленькомѣ огородѣ, который онъ развелъ возлѣ дома. Онъ стоялъ неподвижно, погруженный въ грустныя размышленія, и какъ будто не слышалъ ея просьбы, потомъ вдругъ, очнувшись, проговорилъ, словно желая ободрить себя:

— Трудись самъ, и Богъ тебѣ поможетъ.

Съ этими словами онъ взялъ заступъ и побрелъ въ огородъ. Параша пошла за нимъ.

— Разумѣется, батюшка, надо помогать другъ другу въ несчастьи, и я надѣюсь также, что Богъ поможетъ мнѣ тронуть ваше сердце. Отдайте мнѣ паспортъ, дорогой батюшка. Повѣрьте, что такова воля Божья. Неужели вы хотите подвергнуть дочь свою ужасному несчастью—ослушаться васъ?

Параша при этомъ обнимала его колѣни и старалась сообщить ему ту вѣру, которая одушевляла ее. Пришла и мать. Дѣвушка умоляла

КП-140

ее помочь ей сломить упорство отца, но добрая женщина не рѣшалась на это. Она нашла въ себѣ силу согласиться на отъѣздъ дочери, но просить объ этомъ мужа не могла. Между тѣмъ самъ Лупаловъ не въ состоянiи былъ дольше противиться такимъ трогательнымъ мольбамъ; къ тому же онъ зналъ твердую рѣшимость дочери и боялся, какъ бы она не ушла безъ паспорта.

— Что подѣлаешь съ дѣвочкой?—воскликнулъ онъ.—Надо будетъ отпустить ее!

Параша внѣ себя отъ радости бросилась на шею отцу.

— Будьте увѣрены,—говорила она, осыпая его самыми нѣжными ласками,—вы не раскаетесь въ томъ, что послушались меня: я пойду, да, батюшка, пойду въ Петербургъ, брошусь къ ногамъ государя, и то же самое Провидѣнiе, Которое внушило мнѣ эту мысль и тронуло ваше сердце,—точно такъ же расположитъ въ нашу пользу сердце великаго монарха.

— Увы,—отвѣчалъ отецъ со слезами,—напрасно ты думаешь, бѣдное дитятко, что можно говорить съ императоромъ такъ же свободно, какъ ты говоришь со своимъ отцомъ въ Сибири! Часовые со всѣхъ сторонъ охраняютъ входы во дворецъ и не дадутъ тебѣ переступить его порога. Бѣдная нищая, не имѣя ни приличной одежды, ни покровителей, какъ можешь ты явиться передъ нимъ, и кто захочетъ представить тебя?

Параша сознавая всю силу этихъ возра-

[library stamp, illegible]

женій, но мужество не покидало ее; какое-то тайное предчувствіе поддерживало ее.

— Я понимаю, что ваша любовь ко мнѣ внушаетъ вамъ опасенія,—отвѣчала она,—но развѣ нѣтъ у меня причинъ надѣяться! Подумайте, ради Бога! Посмотрите, сколько нежданныхъ милостей ниспослалъ мнѣ Господь за то, что я возложила на Него все упованіе свое. Я не знала, какъ добыть паспортъ, и Онъ указалъ мнѣ способъ получить его; Онъ же смягчилъ неумолимаго губернатора тобольскаго. Наконецъ, не взирая на ваше непоколебимое сопротивленіе, не Онъ ли склонилъ васъ дать мнѣ позволеніе ѣхать? Будьте увѣрены, что это же самое Провидѣніе, благодаря Которому я преодолѣла столько препятствій, приведетъ меня къ стопамъ государя. Оно вложитъ въ уста мои слова, которыя убѣдятъ его, и ваше освобожденіе будетъ наградой за данное вами позволеніе.

Съ этой минуты путешествіе молодой дѣвушки стало дѣло рѣшеннымъ, но срокъ его еще не былъ назначенъ. Лупаловъ надѣялся на помощь своихъ друзей: нѣкоторые изъ ссыльныхъ имѣли средства; кое-кто изъ нихъ даже предлагалъ ему въ другихъ случаяхъ поддержку, но изъ совѣстливости онъ никогда не принималъ ея; теперь же онъ разсчитывалъ воспользоваться ею. Ему хотѣлось, кромѣ того, найти попутчика своей дочери, хотя бы на первое время, но во всемъ этомъ онъ потерпѣлъ неудачу. Между тѣмъ Параша торопилась отправиться въ путь. Все достояніе семейства

заключалось въ единственномъ серебряномъ рублѣ. Послѣ напрасныхъ стараній увеличить какимъ нибудь способомъ эту скромную сумму, наконецъ, назначили день горестной разлуки на 8 сентября, праздникъ Божіей Матери. Какъ только о томъ пронесся слухъ по деревнѣ, всѣ знакомые сбѣжались поглазѣть на Парашу больше изъ любопытства, нежели участія. Вмѣсто того, чтобы помочь ей или ободрить въ ея предпріятіи, почти всѣ набросились на отца и осуждали его, зачѣмъ онъ позволилъ ей итти. Тѣ, кто могъ бы оказать ей какое нибудь содѣйствіе, заговорили о трудныхъ временахъ, о стѣсненныхъ обстоятельствахъ и, въ концѣ концовъ, вмѣсто поддержки и утѣшенія, которыхъ ждала семья, они предпочли ограничиться лишь зловѣщими предсказаніями. Однако, двое изъ ссыльныхъ, самые бѣдные изъ всѣхъ, вступились за Парашу и ободрили ее своими совѣтами.

— Видали мы, какъ и болѣе трудныя предпріятія удавались сверхъ всякихъ ожиданій,— говорили они.— Если ей самой не посчастливится дойти до государя, она найдетъ покровителей, и тѣ замолвятъ за нее слово, лишь только узнаютъ ее, оцѣнятъ и полюбятъ, какъ любимъ мы.

8-го сентября, на зарѣ, эти люди пришли проститься съ ней и проводить ее въ дальній путь. Они уже застали ее совсѣмъ готовой, съ котомкой за плечами. Отецъ вручилъ ей рубль серебромъ, но она долго не соглашалась принять его, говоря, что такая маленькая сумма

все равно не приведетъ ее до столицы, между тѣмъ какъ старикамъ она можетъ оказаться необходимой. Только настоятельное приказаніе отца заставило ее согласиться. Оба бѣдныхъ ссыльныхъ, съ своей стороны, хотѣли увеличить ея маленькій капиталецъ. Одинъ предложилъ тридцать копеекъ мѣдью, другой двадцать копеекъ серебромъ: это было ихъ пропитаніе на нѣсколько дней. Прасковья не согласилась взять отъ нихъ денегъ, но была глубоко тронута ихъ великодушіемъ.

— Если когда нибудь Провидѣніе даруетъ милость моимъ родителямъ, надѣюсь, что и вы не будете оставлены.

Въ эту минуту первые лучи восходящаго солнца озарили комнату.

— Насталъ часъ,—молвила она,—пора намъ разставаться.

Она присѣла, то же сдѣлали ея родители и друзья, согласно русскому обычаю. По прошествіи минуты всѣ встали, настали слезы и объятія.

Этотъ обычай, какъ бы онъ ни казался маловажнымъ съ перваго взгляда, имѣетъ, однако, глубокое значеніе. Прежде чѣмъ разлучиться надолго, быть можетъ, навѣки, близкіе люди еще нѣсколько мгновеній отдыхаютъ вмѣстѣ, словно желая обмануть судьбу и похитить у нея еще эту краткую минуту отрады.

Параша на колѣняхъ приняла благословеніе родителей, потомъ, мужественно вырвавшись изъ ихъ объятій, покинула навсегда горницу, служившую ей тюрьмой во времена ея дѣтства.

Ссыльные проводили ее до перваго верстового столба. Отецъ съ матерью, стоя неподвижно на порогѣ, долго слѣдили за нею глазами, но дѣвушка болѣе не оглядывалась назадъ и скоро скрылась изъ виду. Лупаловъ съ женой печально вернулись въ свою опустѣвшую хижину. Несчастные зажили еще уединеннѣе, чѣмъ прежде; остальные жители Ишима укоряли отца, говорили, что онъ самъ склонилъ дочь къ такому безразсудному поступку и подымали его на-смѣхъ. Но пуще всего потѣшались надъ двумя ссыльными, которые, по простотѣ душевной, не скрыли обѣщанія, даннаго имъ Парашей; всѣ насмѣшливо поздравляли ихъ съ такимъ счастьемъ.

Когда разстались съ Парашей провожавшіе ее друзья, она присоединилась къ нѣсколькимъ крестьянскимъ дѣвушкамъ, съ которыми ей была одна дорога до села, въ двадцати пяти верстахъ отъ Ишима. На пути къ нимъ пристала гурьба подгулявшихъ парней; они слѣзли съ лошадей и вызвались провожать ихъ. Это было на опушкѣ большого лѣса. Струсившія путницы не рѣшались согласиться на это предложеніе: у нихъ было съ собой немного провизіи и онѣ расположились у края дороги, чтобы подкрѣпить силы; мужики подсѣли къ нимъ и объявили, что желаютъ раздѣлить ихъ полдникъ. Что тутъ дѣлать? Чтобы какъ нибудь удалить назойливыхъ попутчиковъ, Параша прибѣгла къ маленькой хитрости, которая вполнѣ удалась ей.

— Мы охотно пошли бы съ вами,—сказала

она,—да вотъ поджидаемъ здѣсь моихъ братьевъ съ телѣгами.

Парни дѣйствительно увидѣли въ отдаленіи двѣ повозки, которыя Параша замѣтила еще раньше; тогда, увидавъ, что дѣло плохо, они поскорѣе вскочили на лошадей и скрылись.

— Это была маленькая ложь,—говорила она, разсказывая впослѣдствіи свое первое приключеніе,—но она не принесла мнѣ несчастія.

Благополучно добралась она до села, гдѣ должна была остановиться, и зашла къ одному знакомому мужику, который хорошо принялъ ее и угостилъ.

На другой день, проснувшись, она почувствовала большую усталость во всемъ тѣлѣ, что и понятно: никогда въ жизни ей не случалось дѣлать такого длиннаго перехода. Когда она вышла изъ избы, гдѣ ночевала, на нее нашелъ страхъ: она очутилась совершенно одинокой. но исторія Агари въ пустынѣ пришла ей на умъ и ободрила ее. Она осѣнила себя крестнымъ знаменемъ и пустилась въ путь, призвавъ на помощь своего ангела-хранителя. Пройдя нѣсколько дворовъ, она увидѣла орла на вывѣскѣ сельскаго кабака, того самаго орла, что замѣтила наканунѣ; изъ этого она заключила, что, вмѣсто того, чтобы направляться въ Петербургъ, она шла назадъ. Она остановилась въ раздумьѣ; мужикъ, у котораго она ночевала, посмѣивался, стоя на порогѣ своей избы:

— Ну, когда и впередъ все такъ же будетъ, то ты недалеко уйдешь! – воскликнулъ онъ,—лучше бы ужъ тебѣ сразу вернуться домой.

Подобные случаи бывали съ ней не разъ впослѣдствіи, и, когда въ нерѣшимости она освѣдомлялась куда ей итти, чтобы добраться до Петербурга, всѣ подымали ее на-смѣхъ и приводили ее въ смущеніе. Параша, не имѣя никакого понятія о географіи, вообразила, что городъ Кіевъ, о которомъ она часто слыхала отъ матери, лежитъ по пути въ Петербургъ; она хотѣла остановиться тамъ, чтобы говѣть, и собиралась когда нибудь постричься въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

Замѣтивъ, что всѣ улыбаются, когда она спрашиваетъ дорогу въ Петербургъ, она стала разспрашивать прохожихъ, какъ ей дойти до Кіева, но это еще меньше удавалось ей.

Разъ, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, находясь въ нерѣшимости—который путь выбрать, она подождала проѣзжавшую кибитку и попросила путешественниковъ указать ей, которая изъ дорогъ ведетъ въ Кіевъ. Они подумали, что она шутитъ.

— Ступайте по какой угодно,—отвѣчали они смѣясь,—всѣ дороги ведутъ въ Кіевъ, Парижъ и Римъ.

Она пошла по средней, и, къ счастью, она-то и оказалась вѣрной. Когда она приходила въ небольшую деревушку, ее всегда радушно принимали въ первой же избѣ, гдѣ она просила пріюта; но въ большихъ селахъ и тамъ, гдѣ дома были велики и красивы, она всегда съ трудомъ находила убѣжище: зачастую ее принимали за бродягу, и это несправедливое подозрѣніе причиняло ей не мало горя и непріятностей въ дорогѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ не доходя Камышева ее застигла страшная гроза, какъ разъ въ концѣ одного изъ самыхъ длинныхъ и утомительныхъ переходовъ. Она ускорила шаги, надѣясь добраться до первыхъ строеній, которыя, по ея разсчетамъ, находились невдалекѣ, но вихрь повалилъ дерево въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и съ перепугу она бросилась въ близь лежавшій лѣсъ. Тамъ она встала подъ сосну, окруженную частымъ кустарникомъ, и старалась укрыться отъ бушующаго вѣтра. Буря свирѣпствовала всю ночь напролетъ; молодая дѣвушка провела ее подъ открытымъ небомъ, въ безлюдномъ мѣстѣ, подъ проливнымъ дождемъ, прекратившимся лишь подъ утро. На зарѣ она дотащилась до дороги, продрогшая и голодная. Къ счастью, проѣзжавшій мимо мужикъ сжалился надъ нею и предложилъ ей сѣсть къ нему въ телѣгу. Часовъ около восьми утра она пріѣхала въ большое село. Мужикъ, которому не надо было тамъ останавливаться, высадилъ ее среди дороги и продолжалъ свой путь. Изнуренная усталостью и голодомъ, Параша подошла къ низенькому окошку, у котораго женщина лѣтъ пятидесяти чистила горохъ, и просила принять ее къ себѣ. Баба оглянула ее подозрительнымъ взглядомъ и съ сердцемъ прогнала ее. Дѣло въ томъ, что, слѣзая съ телѣги, Параша упала въ грязь и перепачкала себѣ платье. Ненастная ночь, проведенная ею въ лѣсу, а также недостатокъ пищи, вѣроятно, измѣнили ея черты и придали ей жалкій, подозрительный видъ. Бѣдняжку

выгоняли изо всѣхъ домовъ, куда она ни приходила. Одна злая женщина, заставъ ее у своихъ дверей, гдѣ она присѣла было отдохнуть, съ угрозами заставила ее уйти, говоря, что она не принимаетъ у себя ни воровъ, ни бродягъ. Увидѣвъ передъ собой церковь, дѣвушка печально побрела къ ней· «Тамъ, по крайней мѣрѣ, меня не выгонятъ», подумала она. Двери оказались запертыми; она сѣла на ступени паперти. Уличные мальчишки, окруживъ ее, стали глумиться надъ несчастной и называть ее воровкой. Часа два она оставалась въ этомъ тягостномъ положеніи, изнемогая отъ голода и истощенія и моля Бога, чтобы Онъ далъ ей силы вынести это горькое испытаніе.

Между тѣмъ къ ней подошла какая-то женщина и стала разспрашивать. Параша разсказала, какую ужасную ночь провела она въ лѣсу; нѣсколько мужиковъ остановились возлѣ и стали прислушиваться. Сельскій староста заглянулъ въ ея паспортъ и нашелъ его въ порядкѣ; добрая женщина, тронутая ея жалкимъ положеніемъ, предложила ей убѣжище у себя въ домѣ. Путница хотѣла приподняться, но не могла: члены ея окоченѣли; ноги отказывались служить ей. Она потеряла одинъ башмакъ, и обнаженная ступня сильно распухла. Общее состраданіе вскорѣ замѣнило гадкія подозрѣнія. Бѣдняжку усадили въ телѣжку, и тѣ самые ребятишки, которые только что издѣвались надъ ней, потащили ее къ крестьянкѣ. Та приняла ее очень радушно, и она провела тамъ нѣсколько дней. Во время этого отдыха, одинъ

добрый мужикъ смастерилъ ей пару башмаковъ; наконецъ, когда ея здоровье и силы вполнѣ возстановились, она распрощалась съ доброй женщиной и продолжала свой путь вплоть до зимы, останавливаясь въ разныхъ селеніяхъ, смотря по степени утомленія и сообразуясь съ тѣмъ пріемомъ, который оказывали ей жители. Въ отплату она подметала избу, стирала бѣлье или шила на хозяевъ; исторію же свою она разсказывала лишь тогда, когда ее гдѣ нибудь принимали и она устраивалась въ домѣ.

Она замѣтила, что, когда откровенничала съ первой же встрѣчи, ей не вѣрили и принимали ее за бродягу. И въ самомъ дѣлѣ, люди всегда расположены быть неумолимыми, когда замѣчаютъ, что ихъ стараются разжалобить. Надо умѣть тронуть ихъ сердце незамѣтно для нихъ самихъ, и тогда они охотно оказываютъ вамъ состраданіе. И вотъ Параша сперва просила только хлѣба, затѣмъ говорила о своей усталости, чтобы ей предложили пріютъ, и, наконецъ, когда уже она была принята въ домъ, то называла свое имя и разсказывала свою исторію. Такъ-то, въ своемъ многотрудномъ странствіи, она научилась познавать сердце человѣческое.

Зачастую люди, прогнавшіе ее, увидѣвъ, что она уходитъ со слезами, призывали ее назадъ и принимали радушно. Нищіе вообще привыкли къ отказамъ и мало къ нимъ чувствительны, но Параша, хотя и поставленная судьбой въ жалкое положеніе, еще не имѣла случая рань-

ше обращаться къ чужому состраданію, и, несмотря на ея душевную силу и смиреніе, отказы терзали ей сердце, особливо, если они зависѣли отъ дурного мнѣнія о ней.

Впрочемъ, она признавалась потомъ, что ей довольно рѣдко приходилось встрѣчать отказы, зато случаевъ, когда съ ней обращались ласково, нельзя и перечесть.

Во время ея долгаго пути съ ней случилось, между прочимъ, одно приключеніе, когда она, не на шутку струсила; объ этомъ происшествіи стоитъ упомянуть, до такой степени оно странно.

Разъ, подъ вечеръ, шла она по селу, отыскивая себѣ пристанище, какъ вдругъ одинъ крестьянинъ, только что грубо прогнавшій ее, пошелъ за ней и позвалъ ее назадъ. Это былъ человѣкъ уже пожилой, очень подозрительной наружности. Параша колебалась принять ли его приглашеніе, но все-таки согласилась, боясь, что не найдетъ другого ночлега. Въ избѣ она нашла пожилую женщину, еще болѣе отталкивающей наружности. Мужикъ тщательно заперъ двери и ставни на засовы. У обоихъ хозяевъ былъ такой странный видъ, что Параша испугалась и раскаивалась, зачѣмъ остановилась у нихъ. Ее усадили. При уныломъ свѣтѣ лучины, воткнутой въ стѣну, всякій разъ, какъ она подымала голову, она встрѣчала устремленные на нее глаза хозяевъ. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, старуха спросила:

— Откуда идешь?

— Изъ Ишима, иду въ Петербургъ.

— Ого-го! Должно быть, много у тебя денегъ, что ты пустилась въ далекій путь?

— У меня осталось всего восемьдесятъ копеекъ мѣдью,—отвѣчала путница, оробѣвъ.

— Врешь!—крикнула на нее старуха.—Никто не пойдетъ въ такую даль съ такой бездѣлицей.

Напрасно дѣвушка увѣряла, что это все ея достояніе,—ей не вѣрили. Мужъ и жена глумились надъ ней.

— Отъ Тобольска до Петербурга съ восьмидесятью копейками —статочное ли дѣло!

Несчастная дѣвушка, перепуганная и оскорбленная, едва сдерживала слезы и потихоньку молила Бога о помощи. Ей дали, однако, нѣсколько картофелинъ вмѣсто ужина и, когда она закусила, хозяйка посовѣтовала ей лечь спать. Параша, сильно подозрѣвавшая, что эти люди—грабители, охотно отдала бы свои крохи, лишь бы вырваться изъ ихъ когтей. Прежде чѣмъ влѣзть на печь, она раздѣлась, но не совсѣмъ, оставивъ внизу свои карманы и мѣшокъ, чтобы они могли сосчитать ея деньги.

Какъ только она улеглась и они вообразили, что она заснула, старики принялись шарить. Параша съ тревогой прислушивалась къ ихъ разговору.

— У нея есть еще деньги,—говорили они:— непремѣнно есть еще деньги.

— Я сама видѣла,—прибавила старуха,—на шеѣ у нея шнурокъ, а на немъ виситъ мѣшочекъ; вотъ тамъ-то и спрятаны деньги.

Это былъ маленькій клеенчатый мѣшочекъ,

заключавшій ея паспортъ, съ которымъ она никогда не разставалась. Потомъ они зашушукали очень тихо, но отрывочныя слова, долетавшія до ея слуха, не могли успокоить ее.

— Никто не видѣлъ, какъ она вошла къ намъ,—разсуждали злодѣи,—ни единая душа не подозрѣваетъ, что она въ деревнѣ.

Наступило молчаніе. Въ воображеніи дѣвушки уже рисовались самыя страшныя картины; вдругъ она увидѣла передъ собой голову отвратительной старухи, которая лѣзла на печь. Кровь застыла у нея въ жилахъ. Она умоляла, чтобы они пощадили ея жизнь, увѣряла снова, что нѣтъ у нея денегъ, но неумолимая старуха, не отвѣчая, принялась шарить въ ея платьѣ, въ сапогахъ, которые заставила ее снять. Старикъ принесъ свѣту: они осмотрѣли мѣшочекъ съ паспортомъ, наконецъ, убѣдившись, что всѣ поиски напрасны, слѣзли внизъ, оставивъ ее полумертвой отъ ужаса.

Эта страшная сцена, а еще больше боязнь, что она повторится, долго не давали ей уснуть. Однако, когда раздался громкій сапъ ея хозяевъ, она мало-по-малу успокоилась и сама заснула глубокимъ сномъ. Былъ бѣлый день, когда старуха разбудила ее. Она слѣзла съ печи и съ удивленіемъ замѣтила, что обращеніе хозяйки и ея мужа стало гораздо дружелюбнѣе и непринужденнѣе. Параша собралась уходить, но они удержали ее, чтобы накормить. Старуха принялась стряпать закуску съ гораздо большей охотой, чѣмъ наканунѣ. Она вытащила ухватомъ изъ печи горшокъ со щами

и наложила гостьѣ добрую порцію; тѣмъ временемъ мужъ поднялъ половицу и зачерпнулъ ей полный ковшъ квасу. Немного успокоенная этимъ обращеніемъ, она откровенно отвѣчала на ихъ разспросы и повѣдала имъ часть своей исторіи. Наконецъ, Параша распростилась съ ними, не зная хорошенько, благодарить ли ихъ; во всякомъ случаѣ, она была рада вырваться отъ нихъ.

Пройдя нѣсколько верстъ, она захотѣла сосчитать свои деньги и очень удивилась, найдя въ своемъ мѣшочкѣ, вмѣсто восьмидесяти копеекъ, рубль двадцать. Ея хозяева прибавили отъ себя сорокъ копеекъ.

Параша любила разсказывать это приключеніе, какъ явное доказательство покровительства Божія, сразу смягчившаго сердца этихъ людей. Нѣсколько времени спустя она подверглась опасности другого рода, тоже сильно перепугавшей ее. Однажды ей предстояло сдѣлать большой переходъ, и она вышла въ два часа утра со станціи, гдѣ ночевала. У самаго выхода изъ села на нее напала стая собакъ Она пустилась бѣжать, отмахиваясь палкой, но это еще болѣе раздразнило ихъ. Одна изъ нихъ схватила ее за подолъ и оборвала его. Параша упала на землю, призывая помощь Божію. Она съ ужасомъ почувствовала у себя на шеѣ холодный носъ одной изъ самыхъ свирѣпыхъ собакъ.

— Но я была увѣрена,—говорила она,—что Тотъ, Кто спасъ меня отъ грозы и воровъ, предохранитъ меня также и отъ этой новой опасности.

Собаки не сдѣлали ей никакого вреда: прохожій мужикъ разогналъ ихъ.

Между тѣмъ наступила зима. Параша была задержана въ одной деревнѣ на цѣлую недѣлю снѣгомъ, выпавшимъ въ такомъ количествѣ, что дороги стали непроходимы для пѣшеходовъ. Когда путь былъ достаточно укатанъ санями, она храбро собралась продолжать свое странствіе пѣшкомъ, но крестьяне, у которыхъ она остановилась, отговорили ее. Путешествовать пѣшкомъ въ эту пору становится почти невозможнымъ даже для здоровыхъ мужчинъ; они неминуемо нашли бы погибель въ ледяныхъ пустыняхъ, когда свирѣпствуетъ метель и исчезаетъ всякій слѣдъ проѣзжихъ дорогъ.

Къ счастью для нея, въ село прибыла подвода съ провизіей, отправлявшаяся въ Екатеринбургъ къ праздникамъ Рождества. Извозчики дали ей мѣстечко въ саняхъ. Однако, какъ ни заботились о ней эти добрые люди, но одежда ея была слишкомъ легка и она сильно мерзла, закутанная въ одну рогожу. На четвертый день пути морозъ такъ усилился, что, когда подвода остановилась, окоченѣвшая путница не имѣла силъ слѣзть съ саней. Ее перенесли въ корчму, удаленную отъ всякаго жилья верстъ на тридцать. Мужики замѣтили, что у нея одна щека отморожена, натерли ее снѣгомъ и вообще очень заботились о своей спутницѣ, но наотрѣзъ отказались везти ее дальше: слишкомъ было опасно ѣхать безъ шубы въ такую стужу, которая, вдобавокъ

должна усилиться. Дѣвушка залилась горькими слезами; она сознавала, что уже не встрѣтитъ такого благопріятнаго случая и такихъ добрыхъ попутчиковъ. Съ другой стороны, содержатели корчмы, повидимому, не имѣли охоты оставлять ее у себя и во что бы то ни стало требовали, чтобы она уѣзжала съ кѣмъ пріѣхала. Очутившись въ такомъ затруднительномъ положеніи и обманувшись въ своей надеждѣ добраться до Екатеринбурга въ безопасности, она забилась въ уголокъ и предалась своему горю.

Извозчики были тронуты ея положеніемъ; они сложились, чтобы купить ей тулупъ, стоившій въ тѣхъ краяхъ всего пять рублей; къ несчастью, не нашлось ни одного на продажу; никто изъ обитателей этого уединеннаго жилья не соглашался жертвовать своей шубой. Мужики предлагали даже семь рублей работницѣ постоялаго двора, но и та не согласилась. Вдругъ одинъ изъ молодыхъ извозчиковъ предложилъ весьма странное средство помочь горю:

— Пусть каждый изъ насъ, по очереди, будетъ давать ей свой тулупъ, или же пусть она возьметъ мой на весь путь, а мы будемъ чередоваться между собой на каждой верстѣ.

Всѣ охотно согласились. Тотчасъ же разсчитали разстояніе и сколько разъ придется обмѣниваться шубами. Русскій мужикъ любитъ счетъ и не легко даетъ себя въ обманъ. Путешественницу усадили въ сани и хорошенько закутали въ шубу. Парень, уступившій ей сво-

тулупъ, покуда закрылся рогожей и, поджавъ подъ себя ноги, затянулъ пѣсню во все горло. Обмѣнъ тулуповъ происходилъ довольно часто, и подвода очень быстро и благополучно добралась до Екатеринбурга.

Во всю дорогу Параша не переставала молить Бога, чтобы здоровье ея попутчиковъ не пострадало отъ ихъ добраго дѣла.

Прибывъ въ Екатеринбургъ, Параша остановилась на постояломъ дворѣ, вмѣстѣ съ извозчиками. Хозяйка, узнавъ отъ нихъ о приключеніяхъ молодой дѣвушки и сообразивъ, что она, должно быть, безъ денегъ, назвала ей имена нѣкоторыхъ лицъ, извѣстныхъ своей благотворительностью въ городѣ, и совѣтовала ей обратиться къ нимъ за покровительствомъ и пособіемъ. Между прочимъ, она особенно расхваливала нѣкую г-жу Милину, которая дѣлала много добра бѣднымъ. Всѣ въ постояломъ дворѣ подтвердили этотъ отзывъ. Если бъ даже Параша не поняла намѣренія хозяйки, то, во всякомъ случаѣ,она принуждена была бы искать себѣ другого пристанища. Постоялый дворъ состоялъ изъ обширнаго навѣса для лошадей и отдѣльной, довольно большой избы. Пріѣзжіе съ грѣхомъ пополамъ помѣщались въ этой избѣ и спали на полу, если не хватало мѣста на печи. На другой день Параша вышла довольно рано, съ намѣреніемъ тотчасъ же отправиться къ г-жѣ Милиной, но по привычкѣ зашла сперва въ церковь; тамъ была такая толпа народа, какой ей никогда еще не приводилось видѣть—день былъ воскресный. Усердіе, съ ко-

торымъ она молилась, обратило на нее вниманіе многихъ, тѣмъ болѣе, что котомка и дорожная одежда сразу изобличали въ ней странницу. При выходѣ изъ церкви какая-то дама спросила ее—кто она такая. Параша въ нѣсколькихъ словахъ объяснила ей свое положеніе, торопясь отойти прочь; сказала ей о своемъ намѣреніи итти просить гостепріимства у г-жи Милиной, которую всѣ въ одинъ голосъ хвалятъ за доброту. По странной случайности она разговаривала съ самой Милиной. Прежде чѣмъ объявить путницѣ, кто она такая, добрая женщина хотѣла немного пошутить надъ нею.

— Эта г-жа Милина, которую вамъ восхваляли,—сказала она,—вовсе не такъ добра, какъ вы воображаете. Если вы послѣдуете моему совѣту и отправитесь со мной, то я доставлю вамъ пристанище гораздо лучше.

Послѣ всего, что Параша слышала о г-жѣ Милиной на постояломъ дворѣ, она сейчасъ же возымѣла не совсѣмъ выгодное мнѣніе о своей новой знакомой, однако, все-таки послѣдовала за ней, не смѣя отказаться, но и не принимая ея предложенія.

— Впрочемъ,—обратилась къ ней Милина, замѣтивъ, что она замедляетъ шагъ,—если вамъ такъ хочется отправиться къ этой госпожѣ,—то вотъ ея домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда; зайдемъ къ ней; увидите, какъ васъ примутъ; если не станутъ удерживать, то пойдемте со мной.

Параша, не отвѣчая, вошла въ домъ и спросила у служанокъ г-жи Милиной, дома ли ба-

рыня. Тѣ, удивленныя подобнымъ вопросомъ, въ присутствіи самой барыни, молчали.

— Могу я видѣть г-жу Милину? повторила путешественница.

— Да вотъ сама барыня! сказала наконецъ одна изъ горничныхъ. Параша обернулась и увидѣла г-жу Милину, которая протягивала ей свои руки.

— О! я такъ и знала, что г-жа Милина не можетъ быть злой женщиной, проговорила дѣвушка, цѣлуя ее.—Эта маленькая сценка доставила величайшее удовольствіе ея благодѣтельницѣ.

Она послала за своей подругой, г-жой Г., такой же доброй и сострадательной, чтобы познакомить ее съ молодой путешественницей и сообща обсудить, чѣмъ бы ей помочь. Послѣ завтрака, когда Параша немного освоилась со своими новыми покровительницами, она разсказала имъ подробно о несчастной участи своихъ родителей и не скрыла своего замысла отправиться въ Петербургъ просить помилованія отцу.

Г-жа Милина, не слишкомъ довѣряя успѣху этого предпріятія, не стала, однако, отговаривать ее, но обѣ женщины рѣшили удержать дѣвушку до весны. Холода усилились; Параша сама сознавала невозможность продолжать путь въ такую суровую стужу; желая на время оставить ее у себя, покровительницы ея покуда не сказали ей, что онѣ могутъ сдѣлать (что и дѣйствительно сдѣлали впослѣдствіи), чтобы облегчить ей этотъ трудный подвигъ.

Параша чувствовала себя очень хорошо подъ ихъ крылышкомъ, и память объ этомъ счастливомъ времени никогда не изглаживалась изъ ея сердца. Впослѣдствіи, когда она разсказывала этотъ случай, при одномъ имени г-жи Милиной на глазахъ ея всегда навертывались слезы благодарности.

Между тѣмъ здоровье ея сильно пошатнулось; послѣ ужасной ночи, проведенной въ лѣсу, у нея остался жестокій кашель, который во время холодовъ еще усилился. Пребываніемъ въ Екатеринбургѣ она воспользовалась для того, чтобы полечиться немного, а въ особенности, чтобы выучиться грамотѣ. Это обстоятельство могло бы дать очень дурное понятіе о ея родителяхъ, которые до такой степени запустили образованіе своего единственнаго ребенка,—но на самомъ дѣлѣ они были увѣрены, что изгнаніе ихъ продолжится вѣчно, поэтому считали безполезнымъ и даже опаснымъ всякое образованіе для своей дочери: къ чему оно, когда ей суждено было проводить жизнь въ низшихъ слояхъ общества. Параша, занимаясь въ Сибири черной домашней работой, совершенно забыла и то немногое, чему научили ее родители въ раннемъ дѣтствѣ. Она принялась за ученье со всѣмъ рвеніемъ, свойственнымъ ея характеру, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была въ состояніи разбирать церковную печать. Приходилось насильно отрывать ее отъ этого занятія. Она испытывала большое наслажденіе въ чтеніи и это внушало ей пылкое желаніе учиться.

— Какъ счастливы свѣтскіе люди,—говорила она, -съ какимъ усердіемъ они, должно быть, молятся Богу, имѣя столько средствъ выразить свое благоговѣніе и столько причинъ благодарить Провидѣніе за его милости!

Г-жа Милина улыбалась, слушая размышленія молодой дѣвушки, и думала про себя, что нѣтъ ничего невозможнаго для такой истинной вѣры, для такихъ горячихъ молитвъ. Эта мысль, болѣе чѣмъ что другое, убѣдила добрыхъ женщинъ, что непремѣнно надо способствовать ея планамъ и поручить ее волѣ Провидѣнія. До тѣхъ поръ г-жа Милина со своей подругой употребляли всѣ старанія, чтобы разубѣдить ее, дѣлали ей разныя выгодныя и любезныя предложенія, только чтобы какъ нибудь удержать ее у себя, но ничто не въ силахъ было пошатнуть ея рѣшимость. Она даже упрекала себя за то счастье и удобство, которыми она пользовалась въ Екатеринбургѣ.

— Что-то подѣлываетъ теперь батюшка одинъ въ пустынѣ, покуда дочка его наслаждается здѣсь всѣми радостями жизни?

Наконецъ, рѣшились отправить ее въ путь. Когда настала весна, г-жа Милина, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, поручила ее охранѣ одного человѣка, ѣхавшаго въ Нижній по торговымъ дѣламъ.

Прежде чѣмъ переправиться черезъ Уральскія горы, отдѣляющія Екатеринбургъ отъ Нижняго, приходится плыть по рѣкамъ, стекающимъ съ этихъ самыхъ горъ и идущимъ въ сѣверномъ направленіи. Надо ѣхать водой до Тоболи

потомъ уже пѣшкомъ переваливать черезъ горы. Перевалъ этотъ, впрочемъ, не труденъ и не очень крутъ. Затѣмъ снова ѣдутъ водою по притокамъ Волги. Параша, не имѣя средствъ ѣхать по почтовымъ трактамъ, воспользовалась однимъ изъ многочисленныхъ судовъ, доставляющихъ въ Россію желѣзо и соль по Чусовой и Камѣ.

Попутчикъ избавлялъ ее отъ всякихъ хлопотъ во время этого долгаго пути, котораго она никакъ не могла бы сдѣлать одна, не подвергаясь большимъ опасностямъ; но, по несчастью, случилось, что этотъ человѣкъ на дорогѣ захворалъ и принужденъ былъ остановиться въ одной деревушкѣ на берегахъ Камы; и вотъ она снова была брошена на произволъ судьбы, безъ всякой опоры. Благополучно добралась она до впаденія Камы въ Волгу. Въ этомъ мѣстѣ, подымаясь вверхъ по теченію, судно тащили лошадьми. Здѣсь-то съ ней случилось очень непріятное приключеніе. Во время сильной грозы, какія часто бываютъ въ тѣхъ мѣстахъ, судовщики, отталкивая барку отъ берега, задѣли багромъ нѣкоторыхъ пассажировъ, сидѣвшихъ на самомъ краю, — трое людей, въ томъ числѣ и Параша, свалились въ рѣку. Ихъ тотчасъ же вытащили; молодая дѣвушка осталась невредима, но она постыдилась смѣнить платье при народѣ и дала ему высохнуть на себѣ: послѣдствіемъ этого случая былъ сильный кашель, и эта простуда имѣла роковое вліяніе на ея здоровье.

Екатеринбургскія покровительницы, поручивъ попутчику Параши устроить ея дальнѣйшее пу-

тешествіе изъ Нижняго, ей самой никого не указывали въ этомъ городѣ, къ кому бы она могла обратиться въ случаѣ нужды, тѣмъ болѣе, что она и не разсчитывала остановиться въ немъ, и вотъ, прибывъ туда, она снова очутилась безъ всякаго знакомства и покровительства. Барочники высадили ее на берегъ съ ея маленькимъ багажемъ, который, впрочемъ, сталъ объемистѣе, благодаря г-жѣ Милиной.

Напротивъ самой пристани на Волгѣ, на маленькой возвышенности, стояла церковь и женскій монастырь. Туда направилась Параша по своей привычкѣ помолиться, прежде чѣмъ искать убѣжища гдѣ нибудь въ городѣ.

Войдя въ церковь, почти пустую, она услышала изъ-за ограды пѣніе инокинь, кончавшихъ вечерню; это показалось ей добрымъ предзнаменованіемъ.

— Когда приведетъ Богъ, —думалось ей,— и я тоже постригусь и буду проводить остатокъ жизни, вознося благодаренія Богу за Его милости.

Когда она выходила изъ храма, солнце приближалось къ закату. Она остановилась на паперти, пораженная прекраснымъ видомъ, открывшимся ея глазамъ. Городъ Нижній-Новгородъ, лежащій при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ, дѣйствительно представлялъ съ того мѣста, гдѣ она стояла, рѣдкое по красотѣ зрѣлище; онъ показался ей громаднымъ, и эти размѣры внушали ей родъ боязни.

Тутъ она живо почувствовала то страшное одиночество, которое испытываетъ бѣднякъ, за-

терянный среди толпы въ большомъ городѣ, гдѣ, словно по какому-то волшебству, его окружаютъ глаза, которые отказываются видѣть, уши, глухія къ его жалобамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ екатеринбургскими дамами, проситься на ночлегъ ей стало казаться нищенствомъ; ей хотѣлось избѣжать этого. «Увы! гдѣ найти мнѣ такихъ друзей, какъ тѣ, съ которыми я разсталась?» думала она. «Теперь я отдалена отъ нихъ на тысячу верстъ. Что же будетъ со мною въ Петербургѣ, когда я приближусь къ дворцу царскому, если я теперь боюсь явиться въ жалкую гостиницу?»

Эти размышленія такъ сильно овладѣли ею, что впервые она почувствовала глубокое уныніе и заплакала. Воспоминаніе объ отцѣ, котораго она покинула, быть можетъ напрасно, наполнило ея душу жалостью и страхомъ. Но скоро она упрекнула себя въ слабости, въ недостаткѣ вѣры и просила прощенія у своего ангела-хранителя.

— Это онъ внушилъ мнѣ мысль,—говорила она впослѣдствіи, разсказывая этотъ случай изъ своей жизни,—вторично войти въ церковь и молить Бога вернуть мнѣ мужество.

И въ самомъ дѣлѣ, она поспѣшно вернулась назадъ въ церковь. Въ эту минуту у дверей случилась монахиня, пришедшая запирать церковь. Пораженная этимъ внезапнымъ движеніемъ незнакомки, усердіемъ, съ которымъ она молилась, монахиня подошла къ ней, стала разспрашивать и замѣтила, что пора запирать церковь.

Параша, немного смущенная, наивно разсказала ей причину, почему она такъ поспѣшно вернулась въ храмъ Божій, сообщила ей о своемъ нежеланіи искать пріюта на постояломъ дворѣ и умоляла ее дать ей убѣжище въ монастырѣ, хотя бы за оградой его. Сестра-привратница возразила, что странниковъ не пускаютъ ночевать въ монастырѣ, но что игуменья можетъ оказать ей какую нибудь помощь.

— Я не прошу ничего, кромѣ пріюта на одну ночь,—отвѣчала Параша, показывая кошелекъ, гдѣ было немного денегъ,—мои благотворительницы дали мнѣ средства обойтись безъ подаяній на нѣкоторое время, и я прошу лишь убѣжища на ночь. Завтра я буду продолжать путь.

Монахиня согласилась свести ее къ игуменьѣ. Почтенная настоятельница была погружена въ молитву; сестра-привратница остановилась на порогѣ и встала на колѣни. Параша послѣдовала ея примѣру и просила Бога склонить сердце игуменьи. Когда та кончила свою молитву, она подошла къ молодой дѣвушкѣ, продолжавшей стоять на колѣняхъ, и ласково подняла ее. Параша сказала ей свое имя и цѣль своего путешествія; кстати, она показала свой паспортъ и просила гостепріимства на одну ночь, на что и получила позволеніе. Скоро ее окружило нѣсколько монахинь, которыхъ привлекло любопытство въ комнату игуменьи; она отвѣчала на ихъ разспросы и разсказала о тяжелыхъ испытаніяхъ, вынесенныхъ ею въ дорогѣ. Ее осыпали ласками и попеченіями; игуменья помѣстила ее у себя и съ той же минуты задумала навсегда удержать ее въ своемъ монастырѣ.

Параша же давнымъ-давно имѣла желаніе постричься въ инокини, если удастся ея предпріятіе. До пріѣзда своего въ Екатеринбургъ, она была убѣждена, что городъ Кіевъ лежитъ по пути въ Петербургъ. Въ этомъ-то городѣ она и намѣрена была впослѣдствіи поступить въ монастырь; по дорогѣ она надѣялась повидать знаменитыя пещеры, поклониться мощамъ святыхъ угодниковъ и приготовить себѣ на будущее время мѣстечко въ одномъ изъ тамошнихъ женскихъ монастырей.

Но, узнавъ, какъ она ошиблась, Параша легко согласилась избрать монастырь въ Нижнемъ мѣстомъ своего послѣдняго убѣжища; покуда она дала лишь простое обѣщаніе игуменьѣ. Ее стали уговаривать произнести окончательный обѣтъ, но она отказалась наотрѣзъ.

— Могу ли я знать, чего Богу угодно потребовать отъ меня? Я искренно желаю провести здѣсь остатокъ дней моихъ, и если такова воля Провидѣнія, то кто въ силахъ этому воспрепятствовать?

Она согласилась провести нѣсколько дней въ Нижнемъ, чтобъ отдохнуть и собрать средства для поѣздки въ Москву; но вскорѣ утомленіе дало себя почувствовать, и она слегла въ постель. Съ тѣхъ поръ, какъ она упала въ Волгу, ее мучилъ удушливый кашель; вдобавокъ открылась жестокая лихорадка; сами врачи отчаивались въ ея выздоровленіи, но она сама не тревожилась нисколько.

- Я увѣрена,—говорила она,—что еще не насталъ часъ мой, и надѣюсь, Богъ приведетъ мнѣ довести до конца мое предпріятіе.

Въ самомъ дѣлѣ, она поправилась, хотя очень медленно, и остатокъ лѣта провела въ монастырѣ.

При своей слабости, она не могла продолжать путь пѣшкомъ, а тѣмъ менѣе на перекладныхъ; и вотъ, не имѣя возможности достать себѣ спокойный экипажъ, она принуждена была дожидаться саннаго пути. Тѣмъ временемъ она усердно посѣщала церковныя службы и исполняла монастырскій уставъ, что отчасти замедлило ея выздоровленіе, — кромѣ того, усовершенствовалась въ грамотѣ. Игуменья и всѣ монахини искренно полюбили ее и не сомнѣвались, что когда нибудь она сдержитъ свое обѣщаніе и пострижется въ ихъ обители.

Наконецъ установился санный путь; Параша уѣхала въ Москву въ крытой кибиткѣ съ другими путешественниками, отправлявшимися туда же. Игуменьѣ такъ и не удалось отговорить ее отъ ея предпріятія; она дала ей рекомендательное письмо къ одной своей хорошей знакомой, дѣвицѣ С., въ Москвѣ, и на прощанье повторила, что она всегда можетъ считать ея домъ вѣрнымъ убѣжищемъ, гдѣ она будетъ принята какъ родная дочь, чѣмъ бы ни кончилось ея путешествіе.

Въ Москву Параша пріѣхала безъ всякихъ препятствій. Дѣвица С. оказала ей радушный пріемъ и удержала нѣсколько дней, покуда не пріискала ей попутчика въ Петербургъ.

Она отправилась съ однимъ купцомъ, ѣхавшимъ на собственныхъ лошадяхъ. Двадцать дней они пробыли въ дорогѣ. Кромѣ рекомен-

дательныхъ писемъ екатеринбургскихъ дамъ, она получила письмо отъ дѣвицы С. на имя старой и всѣми уважаемой княгини Т.

Остановилась она у своего попутчика на Екатерининскомъ каналѣ; долгое время она была какъ потерянная въ громадномъ городѣ, не зная, съ чего начать и какъ передать свои рекомендательныя письма,— такимъ образомъ прошло у нея много драгоцѣннаго времени.

Купецъ, занятый своими торговыми дѣлами, и не думалъ о ней; однако, онъ взялся отыскать домъ княгини Т., но, прежде чѣмъ успѣлъ исполнить свое обѣщаніе, принужденъ былъ ѣхать въ Ригу, оставивъ Парашу подъ охраной своей жены, которая очень хорошо обходилась съ нею, но нисколько не помогала ея дѣлу.

Письмо г-жи Г. было адресовано одной дамѣ, жившей по ту сторону Невы. Адресъ былъ очень подробный, и черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда купца Параша, вмѣстѣ со своей хозяйкой, отправилась на Васильевскій островъ. Но на рѣкѣ тронулся ледъ, и полиція запрещала переправу. Она вернулась домой въ отчаяніи отъ этой неудачи. Тутъ одинъ изъ близкихъ знакомыхъ ея хозяйки далъ ей совѣтъ, весьма неудачный, подать прошеніе въ сенатъ о пересмотрѣ процесса ея отца, и самъ вызвался найти писаря. Успѣхъ прошенія, посланнаго ею когда-то губернатору тобольскому, убѣдилъ ее рѣшиться. Составили ей просьбу, но небрежно, неумѣло, безъ соблюденія надлежащей формы и притомъ же не объяснили, какъ подать ее.

Со своей бумагой въ рукахъ, наша проситель-

ница явилась въ одно прекрасное утро въ сенатъ, взошла по широкой лѣстницѣ и пробралась въ одну изъ канцелярій; но, увидавъ такое множество народу, она оробѣла и не знала къ кому обратиться. Чиновники, къ которымъ она подходила со своей просьбой, разсѣянно оглядывали ее и холодно принимались писать; другія лица, которымъ она попадалась на глаза, вмѣсто того, чтобы выслушать ее и принять прошеніе, отворачивались, словно отъ какой нибудь вещи, загораживающей дорогу. Наконецъ, одинъ инвалидъ, изъ канцелярскихъ сторожей, торопливо проходя по залѣ, нечаянно столкнулся съ ней. Въ досадѣ онъ спросилъ ее, чего ей нужно. Дѣвушка подала ему прошеніе, умоляя передать его сенату. Старикъ, подумавъ, что это просто нищая попрошайка, вмѣсто отвѣта, взялъ ее за руку и вывелъ вонъ. Она не осмѣлилась войти опять и все утро простояла на лѣстницѣ, рѣшившись вручить просьбу первому попавшемуся сенатору. Много вельможъ выходило изъ каретъ на ея глазахъ и подымалось по лѣстницѣ; иные были при звѣздахъ, со шпорами и въ мундирахъ, иные съ эполетами. Она полагала, что это офицеры и генералы, и все ждала, когда появится, наконецъ, сенаторъ: по ея понятіямъ, сенаторъ долженъ былъ отличаться чѣмъ нибудь особеннымъ, по чему его можно сразу узнать; такъ она и не подала никому своего прошенія. Наконецъ, часовъ около трехъ пополудни, всѣ разъѣхались, и Параша ушла послѣдняя, очень удивленная тѣмъ, что видѣла столько народу въ сенатѣ и ни одного сенатора.

Вернувшись домой, она разсказала объ этомъ своей хозяйкѣ-купчихѣ; та съ трудомъ едва могла увѣрить ее, что сенаторъ такой же человѣкъ, какъ другіе, и что она видѣла именно сенаторовъ, которымъ и слѣдовало бы ей вручить просьбу.

На другой день Параша снова очутилась на сенатской лѣстницѣ и подавала свою бумагу каждому изъ пріѣзжающихъ, чтобы не пропустить сенаторовъ; но никто не принималъ бумаги. Наконецъ, пріѣхалъ толстый господинъ въ красной лентѣ со звѣздами по обѣ стороны груди и со шпагой при бедрѣ. «Ну, ужъ на этотъ разъ», подумала она, «это непремѣнно сенаторъ, или ихъ вовсе не существуетъ на свѣтѣ!» Она подошла къ нему и подала ему просьбу, умоляя дать ей ходъ; такъ какъ она загородила сановнику дорогу, то лакей потихоньку отстранилъ ее, а сановникъ, думая, что она проситъ милостыни, проговорилъ: «Богъ подастъ!» и поднялся по лѣстницѣ.

Въ теченіе двухъ недѣль Параша ежедневно дежурила въ сенатѣ, но безъ всякаго успѣха. Часто, утомленная стояніемъ на холодной, сырой лѣстницѣ, она присаживалась на ступеньку, чтобы согрѣть окоченѣвшія ноги, стараясь уловить на лицахъ прохожихъ и чиновниковъ хоть искру состраданія и доброжелательства.

Однажды, одинъ изъ послѣднихъ, вѣроятно, замѣтившій ее еще раньше, остановился возлѣ нея, взялъ просьбу и вынулъ изъ кармана пачку бумагъ. У несчастной мелькнула минутная надежда, но пакетъ оказался ассигнаціями; онъ

выбралъ изъ нихъ пятирублевую, вложилъ въ прошеніе и, отдавъ все вмѣстѣ просительницѣ, скрылся. Сконфуженная Параша спрятала деньги и ушла.

— Я увѣрена,—замѣтила она своей хозяйкѣ,— что если бъ въ числѣ сенаторовъ былъ братъ г-жи Милиной, онъ взялъ бы мое прошеніе, не зная меня.

Праздники Пасхи, въ продолженіе которыхъ не бываетъ засѣданій въ сенатѣ, дали ей нѣкоторый отдыхъ. Она воспользовалась имъ, чтобы говѣть. Горячо молилась она объ успѣхѣ своего предпріятія, и такъ велика была искренность вѣры, что, причастившись Св. Тайнъ, она вернулась убѣжденная, что въ сенатѣ примутъ ея просьбу въ первый же разъ, какъ она явится туда; она, не колеблясь, сообщила о томъ купчихѣ, какъ о вещи несомнѣнной. Послѣдняя далеко не раздѣляла ея надежды и совѣтовала ей бросить хлопоты въ сенатѣ; впрочемъ, такъ какъ въ этотъ день,—день возобновленія засѣданій въ немъ,—и у нея случились дѣла на Англійской набережной, то она предложила Парашѣ подвезти ее на дрожкахъ.

— Не понимаю, право,—говорила она ей дорогой,—какъ вамъ еще не надоѣло ходить по канцеляріямъ! На вашемъ мѣстѣ я оставила бы въ покоѣ и сенатъ, и сенаторовъ: они никогда ничего для васъ путнаго не сдѣлаютъ; это рѣшительно то же самое,—прибавила она, указывая на конную статую Петра Великаго,—если бъ вы вручили вашу просьбу вотъ этой статуѣ, вы отъ нея ничего не добились бы.

— Я надѣюсь,—возразила Параша,—что моя вѣра спасетъ меня. Нынче я сдѣлаю послѣднюю попытку въ сенатѣ и тамъ навѣрное примутъ, наконецъ, мое прощеніе. Господь всемогущъ! Да, повторила она, сходя съ дрожекъ и указывая на статую Петра Великаго, Господь всемогущъ и можетъ, если такова Его воля, заставить даже этого желѣзнаго человѣка нагнуться и поднять мою просьбу.

При этихъ словахъ купчиха громко расхохоталась, да и Параша, очнувшись отъ своего восторженнаго настроенія, разсмѣялась сама; однако, она выразила лишь искреннюю мысль свою.

Покуда она разсматривала статую, ея спутница замѣтила, что мостъ черезъ Неву наведенъ; множество экипажей ѣхали на Васильевскій островъ и возвращались оттуда.

— Съ вами ли письмо къ г-жѣ Л.?—спросила купчиха,—я не спѣшу и могу довезти васъ до ея дома.

Было еще рано; Параша согласилась. Онѣ проѣхали по мосту; видъ рѣки, еще двѣ недѣли тому назадъ представлявшей равнину плавучихъ льдинъ, а теперь покрытой множествомъ разнообразныхъ судовъ, пріятно поразилъ ее. Вокругъ нея кипѣло оживленіе; погода была великолѣпная; она чувствовала новый приливъ мужества.

— Мнѣ чудится,—сказала она, обнимая свою спутницу,—что со мною Богъ и что Онъ не оставитъ меня!

Г-жа Л., уже предупрежденная о ней пись-

момъ изъ Екатеринбурга, ласково упрекнула ее за то, что она такъ давно въ Петербургѣ и до сихъ поръ не собралась къ ней. Радушный пріемъ, оказанный ей, живо напомнилъ Парашѣ гостепріимный домъ и общество г-жи Милиной. Освоившись немного со своими новыми знакомыми, она разсказала о своихъ безплодныхъ хлопотахъ въ сенатѣ. Г-нъ Л. разсмотрѣлъ ея просьбу и нашелъ, что она составлена не по формѣ.

— Мнѣ легче было бы, чѣмъ кому другому, помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ,—одинъ изъ моихъ близкихъ родственниковъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ сенатѣ, но мы съ нѣкоторыхъ поръ въ ссорѣ. Впрочемъ, случай ужъ очень хорошій, да и ссора слишкомъ маловажная, и я готовъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Кстати же теперь Свѣтлый праздникъ, и я радъ, что вы будете причиной нашего сближенія.

Молодую дѣвушку оставили обѣдать; пріѣхало еще нѣсколько человѣкъ гостей и всѣ оказали ей живое участіе. Въ ту минуту, когда садились за столъ, тотъ самый родственникъ, о которомъ была рѣчь, неожиданно появился въ столовой съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!» Всѣ обнялись отъ души. Г. Л., пользуясь добрымъ настроеніемъ своего родственника, представилъ ему молодую сибирячку. За обѣдомъ много говорили о ея дѣлѣ, и всѣ согласились, что ей совсѣмъ не надо было обращаться въ сенатъ. Съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, пересмотръ процесса ея отца затя-

нулся бы слишкомъ долго; по общему мнѣнію, было бы гораздо выгоднѣе сразу прибѣгнуть къ милосердію государя, и ей пообѣщали хлопотать объ этомъ. Вечеромъ г-жа Л. велѣла своему лакею проводить Парашу домой.

Проходя мимо сената, она вспомнила, какъ молила Бога устроить сегодня ея дѣло: «И вотъ Онъ, Милосердный, внялъ моей просьбѣ, думала она; вѣдь взаправду мнѣ не придется больше ходить туда и этотъ самый желѣзный человѣкъ оказалъ мнѣ услугу, по волѣ Божіей», прибавила она, взглянувъ на статую Петра Великаго. «Не будь его, я не замѣтила бы, что наведенъ мостъ, не познакомилась бы съ этими добрыми людьми, обѣщавшими мнѣ свою помощь».

Такъ размышляла Параша; во всѣхъ ея дѣлахъ ею руководила и поддерживала ее живѣйшая вѣра. Однако, несмотря на все участіе василеостровскихъ друзей, не имъ было суждено помочь ей.

Купецъ, пріютившій Парашу, вернувшись изъ Риги, удивился, найдя ее все еще у себя; онъ принялся дѣятельно разыскивать княгиню Т., къ которой дѣвушка имѣла рекомендательное письмо: эта дама, также предупрежденная письмомъ о скоромъ пріѣздѣ путешественницы, ждала ее къ себѣ. Купецъ повидался съ ней и получилъ приказаніе привести Парашу. Съ сожалѣніемъ разсталась она съ домомъ, гдѣ провела около двухъ мѣсяцевъ; особенно жалко ей было своей доброй хозяйки, но покровительство знатной особы значило для нея слишкомъ много, и она подавила свою грусть.

Когда она пришла въ домъ княгини вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ, швейцарь отворилъ имъ дверь. Увидѣвъ расшитаго галунами слугу, она сперва вообразила, что это сенаторъ, выходившій изъ подъѣзда, и низко поклонилась ему.

— Это швейцаръ княгини, шепнулъ ей купецъ.

Войдя на лѣстницу, швейцаръ позвонилъ два раза. Параша не поняла хорошенько, къ чему это дѣлается, но такъ какъ она не разъ видала звонки у дверей лавокъ, то и теперь подумала, что это предосторожность противъ воровъ. Въ гостиной ее сильно смутилъ блескъ аристократическихъ хоромъ: никогда еще она не видывала такихъ пышныхъ и въ особенности такъ ярко освѣщенныхъ палатъ. Многочисленное общество разбилось на группы; молодые люди играли вокругъ стола въ концѣ залы; всѣ взоры были обращены на нее. Старая княгиня играла въ бостонъ съ тремя гостями; увидѣвъ дѣвушку, она велѣла ей подойти ближе.

— Здравствуйте, дитя мое,—сказала она, — у васъ письмо ко мнѣ?

Къ несчастью, Параша забыла приготовить его заблаговременно, ей пришлось тутъ же вынимать изъ-за пазухи сумочку и съ трудомъ вытаскивать оттуда письмо. Молодые люди шушукались и пересмѣивались исподтишка. Княгиня взяла письмо и внимательно прочла его. Тѣмъ временемъ одинъ изъ ея партнеровъ, который какъ разъ собирался объявить игру и которому эта помѣха была не по вкусу, нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу, погля-

дывая на Парашу; ей показалось, что это тотъ самый толстый господинъ, который отвергнулъ ея прошеніе въ сенатѣ. Когда княгиня стала складывать письмо, онъ выпалилъ зычнымъ голосомъ: «бостонъ!» Параша, и безъ того смущенная его пристальными взглядами, подумала, что онъ обращается къ ней, и отвѣчала: «чего изволите, сударь?» Всѣ расхохотались. Княгиня сказала ей, что она съ удовольствіемъ узнала о ея добромъ поведеніи и о ея любви къ родителямъ; она обѣщала быть ей полезной, потомъ, сказавъ нѣсколько словъ по-французски своей приживалкѣ, кивкомъ головы отпустила дѣвушку.

Въ первое время Параша чувствовала себя очень одинокой и стѣсненной у своей новой покровительницы; она предпочла бы поселиться у друзей своихъ на Васильевскомъ островѣ или даже остаться у купца. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней она освоилась немного и познакомилась съ домашними. Слуги были настолько же внимательны къ ней, насколько сама госпожа была добра и великодушна. Обѣдала она за княжескимъ столомъ, но сама княгиня, по старости лѣтъ и дряхлости, часто не выходила, и дѣвушкѣ ни разу не удалось говорить съ ней наединѣ. Скоро домашніе привыкли къ ея присутствію и перестали обращать на нее вниманіе. Параша не однажды просила напомнить княгинѣ о цѣли своего путешествія, но или княгиня считала успѣхъ невозможнымъ, или же лица, которымъ Параша поручала говорить съ ней, позабывали о томъ,—но просьбы ея не по-

вели ни къ чему, и она возлагала всю свою надежду лишь на покровительство своихъ друзей съ Васильевскаго острова, которыхъ часто навѣщала. Въ то время, когда она еще жила у купца, г. В., секретарь канцеляріи императрицы, матери царствовавшаго тогда государя, посовѣтовалъ ей представить ходатайство о помощи и взялся направить его куда слѣдуетъ. Она явилась къ нему, но не застала его дома; ее приняла г-жа В. съ большимъ радушіемъ; разсказъ о ея мытарствахъ возбудилъ въ ней живое участіе. Наконецъ-то молодая дѣвушка нашла тотъ путь, который долженъ былъ привести ее къ осуществленію ея завѣтной мечты. Г-жа В. просила ее подождать возвращенія мужа; онѣ долго бесѣдовали, и расположеніе, которое она съ перваго же взгляда почувствовала къ Парашѣ, еще удвоилось послѣ этого разговора.

На г. В., когда онъ вернулся, Параша произвела такое же хорошее впечатлѣніе, — онъ понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Въ этотъ день онъ долженъ былъ ѣхать ко двору и обѣщалъ замолвить о ней слово государынѣ, если позволятъ время и обстоятельства, а покуда просилъ ее остаться у нихъ обѣдать въ ожиданіи его отвѣта.

Императрица приказала, чтобъ Парашу представили ей въ тотъ же вечеръ въ шесть часовъ. Параша никакъ не ожидала такого великаго счастія. Когда ей сказали объ этомъ, она поблѣднѣла и ей чуть не сдѣлалось дурно. Вмѣсто того, чтобы поблагодарить г. В., она подняла къ небу глаза, полные слезъ:

— О, Господи, я не напрасно возлагала на Тебя мое упованіе.

Въ волненіи, не зная какъ выразить благодарность своему покровителю, она цѣловала руки г-жи В. Къ вечеру ее снарядили, ничего, однако, не измѣняя въ ея простой одеждѣ, и г. В. повезъ ее ко двору. Подъѣзжая къ императорскому дворцу, она вспомнила отца, который говорилъ ей, какъ затруднителенъ доступъ въ царскія палаты.

— Ахъ, если бъ онъ могъ видѣть меня въ эту минуту!—сказала она своему спутнику,—какъ бы онъ обрадовался. Господи! доверши благодѣяніе Свое!

Не спросивъ даже какъ себя держать и что говорить, она безъ смущенія вошла въ кабинетъ государыни. Ея величество приняла ее со своей обычной добротой, разспрашивала о подробностяхъ ея исторіи, о которой слышала по разсказамъ г. В. Параша отвѣчала съ скромной увѣренностью, не хуже особы, привыкшей къ свѣтскому обхожденію.

Она говорила о цѣли своего путешествія; убѣжденная въ невинности своего отца, она просила не о помилованіи его, а только о пересмотрѣ его дѣла. Государыня похвалила ея мужество и ея дочернюю любовь и тотчасъ же приказала вручить ей триста рублей на первыя нужды, въ ожиданіи новыхъ благодѣяній.

Параша вышла изъ дворца до такой степени проникнутая своимъ счастьемъ, что, когда, по возвращеніи, г-жа В. спросила ее, довольна ли она своимъ посѣщеніемъ, она не могла отвѣчать и залилась слезами.

Во время ея отсутствія, одна дама, жившая у княгини Т., замѣтивъ, что она исчезла съ самаго утра, разспросила лакея, провожавшаго ее, и онъ разсказалъ ей, какъ Параша сѣла въ экипажъ съ г. В. и отправилась во дворецъ. Когда она вернулась, часовъ около девяти, ее немедленно позвали въ гостиную. Ея успѣхъ очень обрадовалъ ея друзей, и почти столько же людей, которые до тѣхъ поръ относились къ ней совершенно равнодушно, теперь только замѣтили, что она миловидна и что у нея прекрасные глаза. Когда она разсказала объ обѣщаніяхъ императрицы и о своихъ надеждахъ на освобожденіе отца, всѣ нашли это совершенно понятнымъ и нисколько неудивительнымъ. Нѣкоторыя лица великодушно предложили свое заступничество передъ министромъ; словомъ, всѣ казались весьма довольны, и даже игрокъ въ бостонъ, окончивъ свой ходъ, высказалъ къ ней видимое участіе.

Вскорѣ она удалилась въ свою комнату помолиться Богу и поблагодарить Его за нежданныя милости, ниспосланныя ей. Отъ наплыва счастья она не могла заснуть нѣсколько часовъ и тутъ ей вспомнились другія ночи, когда сонъ бѣжалъ отъ нея по причинамъ совсѣмъ инымъ. Когда она проснулась на слѣдующій день и въ ея памяти пронеслись происшествія, случившіяся наканунѣ, она громко вскрикнула отъ радости: «Ужъ не сонъ ли это обманчивый? Правда ли, что я видѣла государыню? Правда ли, что она такъ милостиво говорила со мной?»

Она проворно одѣлась и, чтобы осязательно

удостовѣриться въ дѣйствительности, бросилась къ ящику, куда спрятала деньги, полученныя ею наканунѣ отъ государыни.

Нѣсколько дней спустя, императрица повелѣла назначить ей пенсію и пожелала сама представить ее царствующей императорской четѣ, которая тоже приняла ее очень милостиво. Императоръ подарилъ ей пять тысячъ рублей и, кромѣ того, велѣлъ пересмотрѣть процессъ отца ея.

Живое участіе, которое она внушила министру внутреннихъ дѣлъ, г. К., и его семейству, устранило послѣднія препятствія. Этотъ уважаемый человѣкъ обладалъ двумя преимуществами, которыя рѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же лицѣ—властью и желаніемъ дѣлать добро; не разъ его доброе сердце спасало несчастныхъ. Г. К. велѣлъ поскорѣе кончить съ пересмотромъ процесса, и съ этихъ поръ нашей просительницѣ ужъ нечего было безпокоиться насчетъ своей дальнѣйшей судьбы. Извѣстная при дворѣ и покровительствуемая министромъ, Параша съ радостью и удивленіемъ замѣтила участіе, которое ей неожиданно стала оказывать публика. Иностранные посланники и разныя высокопоставленныя лица желали ее видѣть и осыпали ее любезной предупредительностью.

Княгиня И. и г-жа В. назначили ей каждая по сту рублей пенсіи. Эта всеобщая благосклонность нисколько не измѣнила ея обращенія и никогда не внушала ей ни малѣйшей тѣни тщеславія. Въ обществѣ она держалась просто и

смѣло, увѣренная, что никто не захочетъ обидѣть ее.

Прямой природный умъ помогалъ ея глубокому невѣжеству во всемъ, и часто ея неожиданные твердые отвѣты смущали дерзкихъ.

Однажды кто-то среди многочисленнаго общества прервалъ ея разсказъ и спросилъ, за какое преступленіе былъ сосланъ ея отецъ. Этотъ неделикатный вопросъ вызвалъ неловкое молчаніе; присутствующіе видимо не одобряли его. Молодая дѣвушка бросила на нескромнаго взглядъ, полный глубокаго, холоднаго негодованія.

— Милостивый государь,—отвѣчала она, — отецъ никогда не бываетъ виновенъ въ глазахъ дочери, а мой отецъ невиненъ.

Время, проведенное ею въ столицѣ въ ожиданіи указа объ освобожденіи отца, принесло ей много удовольствія. Все было для нея ново, все интересовало ее.

Двѣ придворныя дамы, особенно полюбившія ее, графини В., предложили ей однажды осмотрѣть покои императорскаго дворца и очень забавлялись ея изумленіемъ при видѣ такой роскоши. Войдя въ великолѣпную Георгіевскую залу, она перекрестилась, вообразивъ, что это церковь. Тутъ она вторично увидѣла нѣсколько палатъ, по которымъ уже разъ проходила, когда представлялась государынѣ, но не узнала ихъ, до такой степени она была поглощена тогда важностью предстоящаго ей.

Когда она проходила по одной большой залѣ, дивясь всѣмъ этимъ чудесамъ, одна изъ ея спут-

ницъ указала ей на тронъ. Она остановилась, пораженная благоговѣйнымъ страхомъ.

— Ахъ, такъ вотъ тронъ императора!—воскликнула она.—Вотъ чего я такъ сильно боялась въ Сибири!

Страхъ, когда-то испытанный ею при мысли о величіи государя, воспоминаніе объ его милостяхъ, увѣренность въ скоромъ освобожденіи отца переполнили ея сердце благодарностью и невыразимымъ смятеніемъ. Она поблѣднѣла и сложила руки.

— Такъ вотъ онъ, тронъ царскій, твердила она измѣнившимся голосомъ.

Она попросила позволенія подойти къ нему и приблизилась вся дрожащая, поддерживаемая своими спутницами, глубоко растроганными этой неожиданной сценой. Параша, преклонивъ колѣни у подножія престола, цѣловала его ступени съ восторгомъ и орошала ихъ слезами:

— О, батюшка!—воскликнула она,—взгляни, куда привело меня могущество Божіе! Господи, благослови этотъ престолъ, благослови царя и исполни дни его тѣмъ счастьемъ, которымъ онъ осыпалъ меня!

Ее съ трудомъ увели изъ залы, и она вскорѣ просила отпустить ее, утомившись этими сильными ощущеніями; осмотръ остальной части дворца отложили на другой день.

Нѣсколько времени спустя, тѣ же дамы свели ее въ Эрмитажъ. Этотъ роскошный дворецъ, богатство и великолѣпіе котораго просто волшебны, удивилъ ее болѣе, чѣмъ что либо видѣнное ею до тѣхъ поръ. Она впервые увидѣла такое

множество картинъ и съ удовольствіемъ разсматривала ихъ. Она сама узнала нѣсколько сюжетовъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; но, проходя мимо большой картины Луки Джіордано, представляющей хмѣльного Бахуса, поддерживаемаго вакханками и сатирами, она воскликнула:

— Какая нехорошая картина! Что это она изображаетъ?

Ей отвѣчали, что сюжетъ ея заимствованъ изъ сказокъ.

— Какой именно?

Такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія о миѳологіи, то было очень трудно дать ей мало-мальски удовлетворительное объясненіе.

— Значитъ, все это неправда? — удивлялась она.—Вонъ люди съ козьими ногами! Какое безуміе рисовать предметы не существующіе, какъ будто не довольно настоящихъ!

Такимъ образомъ она училась двадцати одного года тому, чему учатся обыкновенно въ дѣтствѣ. Между тѣмъ, несмотря на любопытство, она никогда не была назойливой, рѣдко задавала вопросы и сама старалась понять или разгадать то, что представлялось ея глазамъ страннаго и новаго.

Ничто ей такъ не нравилось, какъ присутствовать въ обществѣ образованныхъ людей, не обращающихъ на нее вниманія, и прислушиваться къ ихъ разговору: она посматривала то на одного, то на другого собесѣдника, слушала каждаго съ необыкновеннымъ вниманіемъ, не за-

бывая ничего, что слышала, и была въ состоянiи понять.

Въ кругу близкихъ знакомыхъ она невольно заводила рѣчь о милостивомъ прiемѣ, оказанномъ ей обѣими императрицами. Она вспоминала каждое ихъ слово, и на глазахъ ея при этомъ всегда навертывались слезы благодарности.

Указъ о возвращенiи отца ея изъ ссылки замедлился, однако, болѣе, чѣмъ она ожидала. Покуда друзья устраивали ея дѣло, Параша отнюдь не забывала тѣхъ двухъ ссыльныхъ, которые при разставанiи съ ней въ Ишимѣ предлагали подѣлиться съ ней своимъ маленькимъ достоянiемъ. Она часто говорила о нихъ съ людьми, могущими повлiять на ихъ судьбу; но ея покровители въ одинъ голосъ совѣтовали ей не прибавлять еще этого ходатайства въ хлопотахъ объ отцѣ, и одна лишь боязнь повредить родителямъ мѣшала ей исполнить свои намѣренiя. Къ счастью для этихъ несчастныхъ, доброта государя дала ей возможность быть имъ полезной. Когда окончательный указъ о помилованiи ея отца былъ отправленъ въ Сибирь, Его Величество, препровождая Парашѣ эту радостную вѣсть, поручилъ министру спросить ее, не желаетъ ли она чего лично для себя. Она не колеблясь, отвѣчала, что если государю угодно даровать ей еще одну милость, то она проситъ освободить несчастныхъ товарищей отца. Г. К*** тотчасъ же доложилъ императору съ какимъ благородствомъ дѣвушка жертвуетъ своими собственными выгодами, ради того, чтобы оказать

услугу двумъ ссыльнымъ, предложившимъ ей нѣсколько копеекъ при отъѣздѣ ея изъ Сибири. Желаніе ея было исполнено, и приказъ объ ихъ освобожденіи отправленъ вслѣдъ за тѣмъ, который былъ данъ на имя ея отца.

Параша, достигнувъ исполненія всѣхъ своихъ желаній, стала помышлять о своемъ обѣтѣ и отправилась на богомолье въ Кіевъ. Исполняя этотъ священный долгъ и размышляя о всѣхъ милостяхъ Провидѣнія, она приняла окончательное, неизмѣнное рѣшеніе посвятить Богу остатокъ дней своихъ. Покуда она готовилась къ этому и постригалась въ Кіевѣ, отецъ ея получилъ въ Сибири нежданную вѣсть о своемъ освобожденіи; прошло уже около двухъ лѣтъ, какъ ушла дочь его, и, по необъяснимой случайности, родители ни разу не получали отъ нея вѣсточки. Въ этотъ промежутокъ времени вступилъ на престолъ императоръ Александръ I и ради столь радостнаго событія множество ссыльныхъ было возвращено на родину, но ишимскіе узники не были включены въ число счастливцевъ. Съ тѣхъ поръ судьба Лупаловыхъ стала еще горше. Лишенные отнынѣ всякой надежды, разлученные съ любимымъ дѣтищемъ, они изнывали подъ тяжестью своихъ горестей, какъ вдругъ курьеръ отъ тобольскаго губернатора привезъ на ихъ имя пакетъ. Вмѣстѣ съ указомъ о помилованіи, имъ присланъ былъ паспортъ для возвращенія на родину и сумма денегъ на дорогу.

Это происшествіе надѣлало много шуму въ Сибири. Ишимскіе жители, знакомые Лупало-

выхъ, явились къ нимъ, какъ только услышали добрую вѣсть. Старые товарищи по несчастью, когда-то насмѣхавшіеся надъ безумнымъ предпріятіемъ Параши, а особливо тѣ, которые отказали ей въ помощи на дорогу, теперь завидовали имъ. Лупаловъ съ благодарностью принималъ поздравленія ото всѣхъ, и его счастье было бы полнымъ, если бъ не сожалѣніе о покидаемыхъ имъ въ заключеніи своихъ двухъ старыхъ друзьяхъ: онъ еще не зналъ объ ихъ благополучіи.

Оба ссыльные, уже старики, томились въ Сибири еще со временъ Пугачевскаго бунта, въ которомъ были замѣшаны въ молодости по несчастной случайности. Лупаловъ еще тѣснѣе сблизился съ ними послѣ разлуки съ дочерью; они одни изо всѣхъ знакомыхъ принимали искреннее участіе въ судьбѣ путешественницы. Долгое время у нихъ только и было рѣчи, что о ней и о томъ, удастся или не удастся ея дѣло. Теперь Лупаловъ предложилъ оставить имъ хотя частицу присланнаго пособія, но они не согласились.

— Намъ ничего не нужно,—молвилъ одинъ изъ нихъ,—у меня еще и теперь хранится монета, отъ которой отказалась ваша дочь при отъѣздѣ.

Этотъ отказъ ни мало не былъ внушенъ завистью; но полное уныніе овладѣло несчастными съ тѣхъ поръ, какъ пришла вѣсть, разлучавшая ихъ съ единственнымъ другомъ. Они вспомнили обѣщаніе Параши похлопотать объ ихъ участи; какъ и всѣ ишимскіе жители, они

вѣрили слухамъ, будто она вошла въ большую силу; они полагали, что о нихъ позабыли и, не смѣя жаловаться ея отцу, молча предавались своему горю.

Наканунѣ того дня, когда Лупаловъ долженъ былъ покинуть ихъ, они рѣшили заранѣе проститься съ нимъ, чтобъ избавить себя отъ печальныхъ проводовъ; они ушли отъ него часовъ въ девять вечера и поплелись домой, съ сердцемъ, наполненнымъ смертельной горечью.

Послѣ ихъ ухода, Лупаловъ съ женой долго толковали объ участи своихъ друзей.

— Разумѣется, дочка наша не позабыла о нихъ,—говорили они,—быть можетъ, со временемъ когда нибудь, она выхлопочетъ имъ помилованіе: мы уговоримъ ее постараться въ ихъ пользу.

Съ этими утѣшительными мыслями они улеглись спать, чтобы на слѣдующее утро выѣхать спозаранку. Едва успѣли они заснуть, какъ раздался сильный стукъ въ дверь; тотъ же фельдъ-егерь, что привезъ имъ раньше добрую вѣсть, не заставъ капитана-исправника, на имя котораго была адресована депеша, и зная ихъ квартиру, принесъ имъ приказъ о помилованіи ихъ друзей. Лупаловъ поспѣшно всталъ и вмѣстѣ съ фельдъ-егеремъ отправился къ своимъ пріятелямъ.

Несчастные вернулись домой въ самомъ страшномъ отчаяніи. Они сѣли на лавку въ потемкахъ и не проронили ни слова.

О чемъ говорить? Они утратили всякую надежду; вѣчное изгнаніе тяготѣло надъ ними.

Вдругъ свѣтъ фонаря озарилъ маленькое оконце ихъ хижины; раздались шаги и голоса. Кто-то постучался... прозвучалъ знакомый, дружескій голосъ:

— Друзья, отворяйте! Помилованіе! и вамъ тоже помилованіе! отпирайте скорѣй!

Никакими словами не описать того, что затѣмъ произошло. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышались прерывистыя восклицанія:

— Помилованіе!.. Государь!.. Да благословитъ его Богъ! Да наградитъ онъ добрую Парашу, что не забыла насъ!

И дѣйствительно, трудно себѣ представить болѣе быстрый переходъ отъ горькаго отчаянія къ нежданному, негаданному счастью.

Капитанъ-исправникъ, вернувшись домой, узналъ, что его ищетъ фельдъ-егерь, поспѣшилъ къ ссыльнымъ и распечаталъ депешу, содержавшую два паспорта для освобожденныхъ и письмо Параши къ отцу. Она писала, что, добившись этой новой милости, она уже не смѣла просить о пособіи на дорогу своимъ старымъ товарищамъ, но Богъ позаботился о томъ, чтобы она сама могла отплатить имъ за великодушное ихъ предложеніе при разставаніи съ ней: къ своему письму она прилагала двѣсти рублей ассигнаціями.

Между тѣмъ она съ нетерпѣніемъ ждала въ Кіевѣ вѣсти о возвращеніи отца; по ея раз-

счетамъ она уже могла получить отъ него письмо.

Постригаясь въ Кіевѣ, она не имѣла намѣренія оставаться тамъ, а желала навсегда поселиться въ Нижегородскомъ монастырѣ, какъ обѣщала игуменьѣ; отговѣвъ, она извѣстила ее объ этомъ письмомъ, а вскорѣ и сама отправилась туда. Добрая игуменья уже ждала ее и нарочно скрыла отъ нея пріѣздъ отца, чтобы поразить ее пріятной неожиданностью; Лупаловъ съ женой съ нѣкоторыхъ поръ были въ Нижнемъ. Параша, какъ только пріѣхала, сейчасъ же упала на колѣни передъ игуменьей, которая вышла ей навстрѣчу къ монастырскимъ воротамъ со всѣми монахинями.

— Нѣтъ ли извѣстій о батюшкѣ? спросила Параша.

— Какъ же, есть и очень хорошія, дитя мое,— отвѣчала игуменья,—пойдемъ ко мнѣ.

И она повела ее по монастырскимъ корридорамъ, не прибавивъ ни слова. Монахини тоже хранили молчаніе и ихъ таинственный видъ могъ бы встревожить ее, если бъ не ласковая улыбка, которую она видѣла на всѣхъ лицахъ.

У игуменьи она застала отца и мать, отъ которыхъ тоже скрыли ея пріѣздъ. Въ первую минуту, пораженные видомъ дочери своей въ монашескомъ одѣяніи, они упали передъ ней на колѣни, не зная, радоваться или печалиться. Параша вскрикнула и бросилась подымать ихъ.

— Что вы дѣлаете, батюшка?—воскликнула

она,—все это сдѣлалъ Богъ, одинъ Богъ. Поблагодаримъ вмѣстѣ Провидѣніе за чудо, содѣянное имъ для насъ.

Игуменья и монахини, растроганныя этимъ зрѣлищемъ, сами встали на колѣни и присоединили свои молитвы къ молитвамъ счастливой семьи.

Затѣмъ послѣдовали нѣжныя объятія и поцѣлуи; но мать не могла удержаться отъ горькихъ слезъ при видѣ монашеской одежды своей дочери.

Счастье, которымъ наслаждалось семейство Лупаловыхъ со времени своей встрѣчи, не могло быть долговременнымъ. Монашество Параши обрекло стариковъ на разставанье съ нею, и эта новая разлука казалась имъ еще ужаснѣе первой, потому что была безнадежна. Ихъ средства не позволяли имъ поселиться въ Нижнемъ. У матери ея были родные во Владимірѣ и они пригласили стариковъ пріѣхать къ нимъ; дѣлать было нечего, пришлось покориться необходимости. Такъ прошла недѣля; радость смѣнялась горемъ, и счастье ихъ было омрачено мыслью о скорой разлукѣ. Наконецъ, стали собираться въ путь; бѣдная мать была неутѣшна.

— Къ чему намъ эта желанная свобода?—жаловалась она.—Неужели всѣ труды, весь успѣхъ нашей дочки послужилъ лишь къ тому, чтобы навѣки разлучить ее съ нами! Ахъ, зачѣмъ мы не остались въ Сибири съ нею!

Во всѣ времена жизни бываетъ тяжко разставаться навсегда со своими близкими и

друзьями, но каково выносить такую разлуку, когда человѣкъ обремененъ годами и когда ему уже нечего ждать отъ будущаго?

Прощаясь со своими родителями въ комнатѣ игуменьи, Параша обѣщала посѣтить ихъ во Владимірѣ въ теченіе года; затѣмъ все семейство, въ сопровожденіи настоятельницы и нѣсколькихъ монахинь, отправилось въ церковь. Молодая послушница, хотя она также глубоко чувствовала горесть этой разлуки, однако высказывала больше твердости и покорности судьбѣ, нежели мать, и старалась подбодрить ее. Однако, чтобы избѣгнуть тяжелой минуты разставанья, помолившись съ ней нѣсколько минутъ, она удалилась потихоньку на клиросъ, гдѣ находились другія монахини, и показалась сквозь рѣшетку:

— Прощайте, дорогіе мои,—молвила она,—дочь ваша принадлежитъ Богу, но она не забудетъ васъ. Батюшка милый, нѣжная матушка, принесите жертву, угодную Богу, и да благословитъ васъ Всемогущій!

Взволнованная Параша прислонилась къ рѣшеткѣ, давно сдерживаемыя слезы хлынули потокомъ. Несчастная мать внѣ себя, рыдая, бросилась къ дочери; игуменья сдѣлала знакъ рукою, и въ ту же минуту за рѣшеткой задернулась занавѣсь.

Монахини запѣли псаломъ: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»... Лупалова съ женой увели изъ церкви; у паперти ихъ ждалъ дорожный экипажъ. Они видѣли свою дочь въ послѣдній разъ...

Новая монахиня безъ усилій подчинилась суровому монастырскому уставу; она съ величайшей строгостью исполняла свои обязанности и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтала любовь и уваженіе общины; но ея здоровье, видимо разстроенное, не могло выносить монастырской жизни. Легкія ея были сильно тронуты. Мѣстоположеніе Нижегородскаго монастыря, построеннаго на горѣ, не защищенной отъ вѣтровъ, было неблагопріятно для такого рода болѣзни. Послѣ года, проведеннаго тамъ. врачи посовѣтовали ей перемѣнить мѣстожительство.

Игуменья должна была ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ и рѣшила везти съ собою Парашу. Она надѣялась, что это путешествіе поправитъ ея здоровье, но, кромѣ того, игуменья не безъ основанія разсчитывала, что знакомство ея послушницы и расположеніе, которое къ ней питали въ столицѣ, окажутся полезными для монастыря. Параша принялась за хлопоты дѣятельно и съ увлеченіемъ. Но, сообразуясь съ своимъ новымъ званіемъ, она уже не появлялась въ обществѣ, какъ прежде, а видалась только съ людьми, съ которыми была особенно дружна.

Въ то время ея черты уже сильно осунулись: злая чахотка изсушила ея грудь; но даже въ этомъ состояніи изнуренія лицо ея было замѣчательно пріятно. Росту она была средняго, но сложена очень изящно; ея лицо, обрамленное чернымъ покрываломъ, скрывавшимъ волосы, имѣло красивую овальную форму. Глаза у нея

были черные, лобъ открытый; во взглядѣ и даже въ улыбкѣ сквозило какое-то задумчивое спокойствіе.

Она знала свойство и опасность своей болѣзни; всѣ помыслы ея были обращены къ иному міру; она ожидала его безъ трепета и безъ нетерпѣнія, словно прилежная работница, окончившая дневной трудъ и отдыхающая въ ожиданіи награды.

Когда игуменья окончила свои дѣла, обѣ монахини собрались въ обратный путь. Наканунѣ отъѣзда Параша поѣхала проститься съ нѣкоторыми добрыми знакомыми, приславшими за ней экипажъ. Входя къ нимъ въ домъ, она застала сидящую на нижнихъ ступенькахъ лѣстницы дѣвушку; ея одежда показывала самую крайнюю бѣдность. Нищенка, увидѣвъ, что Прасковью провожаетъ ливрейный лакей, съ трудомъ приподнялась и попросила у нея подаянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вынула изъ-за пазухи какую-то бумагу и подала ее монахинѣ.

— Отецъ мой разбитъ параличемъ,—произнесла она,—и живетъ только подаяніемъ, которое я сбираю; но я сама больна и скоро буду не въ силахъ помогать ему.

Параша взяла бумагу торопливой, дрожащей рукой; это было свидѣтельство о бѣдности и о хорошемъ поведеніи, выданное приходскимъ священникомъ. Монахиня живо припомнила тѣ несчастныя времена, когда она сидѣла по часамъ на ступеняхъ сенатской лѣстницы и тщетно молила о состраданіи. Сходство между судьбой этой бѣдной дѣвушки и ея собственной глубоко

тронуло ее; она отдала ей всѣ бывшія съ ней деньги и обѣщала оказать посильную помощь. Знакомые, съ которыми она пріѣхала проститься, поспѣшили по ея просьбѣ помочь несчастной и съ тѣхъ поръ приняли ея отца на свое попеченіе.

Прежде чѣмъ уѣхать изъ Петербурга, она ходатайствовала о томъ, чтобы ей разрѣшено было произнести окончательный обѣтъ ранѣе сорока лѣтъ, въ видѣ исключенія изъ общаго закона; она всѣми силами старалась добиться этой милости, но ей отказали.

На обратномъ пути въ Нижній, игуменья остановилась на нѣсколько дней въ Новгородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; уставъ его, менѣе суровый, и хорошее мѣстоположеніе были удобнѣе для здоровья бѣдной послушницы. Въ Нижегородскомъ монастырѣ Параша особенно близко сошлась съ одной молодой послушницей, у которой была сестра въ томъ самомъ Новгородскомъ монастырѣ, гдѣ онѣ остановились по дорогѣ. Она-то и старалась подружиться съ Парашей и посовѣтовала ей хлопотать о переходѣ въ ихъ монастырь, разсказавъ ей, что сестра ея уже получила на то разрѣшеніе. Игуменья хорошо понимала, что ея любимица чахнетъ на ея глазахъ, и согласилась на этотъ планъ, несмотря на сильную привязанность къ Парашѣ.

И такъ, она вскорѣ покинула свою прежнюю обитель. Первые два мѣсяца по пріѣздѣ въ Новгородъ она посвятила постройкѣ деревяннаго домика въ двѣ кельи, для нея и ея по-

други, такъ какъ для нихъ не оказалось свободныхъ келій, и осталась чрезвычайно довольна своимъ новымъ убѣжищемъ. Ея товарки, узнавшія ее еще раньше, смотрѣли на ея поступленіе къ нимъ, какъ на особенную милость Провидѣнія; всѣ наперерывъ старались исполнять за нее тяжелыя обязанности, вредныя для ея здоровья. Эти заботы и спокойствіе, которымъ она пользовалась, продлили ея жизнь до 1809 года.

Давно уже доктора считали ее неизлечимой; но она сама все еще не вѣрила въ близость кончины. Вѣроятно, Провидѣнію въ видѣ особой милости угодно поддерживать надежду въ страдальцѣ, одержимомъ этой жестокой болѣзнью, отъ которой нѣтъ спасенія, словно для того, чтобы скрыть отъ него приближеніе страшнаго смертнаго часа.

Наканунѣ своей кончины Параша погуляла немного въ оградѣ монастыря и чувствовала меньше утомленія, нежели обыкновенно; закутавшись въ теплую шубу, она сѣла отдохнуть у дверей монастыря. Зимнее солнышко казалось оживляло ее; видъ искрящагося снѣга напомнилъ ей Сибирь и былыя времена. Проѣхали мимо дорожныя сани съ путешественниками. Сердце ея еще разъ забилось надеждой.

— Будущей весной, —сказала она своей подругѣ,—если поправлюсь, поѣду навѣстить батюшку съ матушкой во Владимірѣ; поѣдемъ вмѣстѣ, не правда ли сестрица?

При этихъ словахъ глаза ея сверкали удо-

вольствіемъ. Подруга старалась сдѣлать веселое лицо и удержать навернувшіяся слезы.

На другой день, 4-го декабря, день св. Варвары Великомученицы, она имѣла еще силу пойти въ церковь причаститься; но часа въ три она почувствовала себя худо и легла въ постель отдохнуть, не раздѣваясь. Нѣсколько монахинь сидѣли у нея въ кельѣ и, не подозрѣвая опасности, говорили между собой громко и смѣялись, съ цѣлью развлечь ее. Но на самомъ дѣлѣ присутствіе стольких людей лишь утомляло ее. Когда раздался звонъ колокола къ вечернѣ, она просила ихъ итти въ церковь:

— Сегодня еще помолитесь Богу о моемъ здоровьѣ, но черезъ нѣсколько недѣль вы помолитесь за упокой души моей.

Ея подруга одна осталась съ ней въ кельѣ. Параша попросила ее по обыкновенію прочитать ей вечернія молитвы, желая исполнить долгъ свой до конца. Монахиня, на колѣняхъ у ея постели, тихонько запѣла молитвы; но послѣ первыхъ стиховъ больная съ улыбкой махнула рукой.

— Дорогая моя, не пой больше, это мѣшаетъ мнѣ молиться; ты лучше читай...

Монахиня снова опустилась на колѣни; пока она читала нараспѣвъ молитвы, умирающая отъ времени до времени осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Стемнѣло. Когда монахини вернулись со свѣчей, Параша отошла въ вѣчность. Ея правая рука покоилась на груди, и по расположенію пальцевъ видно было, что она скончалась, творя крестное знаменіе.

КОНЕЦЪ.

Пар. перепл. Гаевскаго. СПБ.

